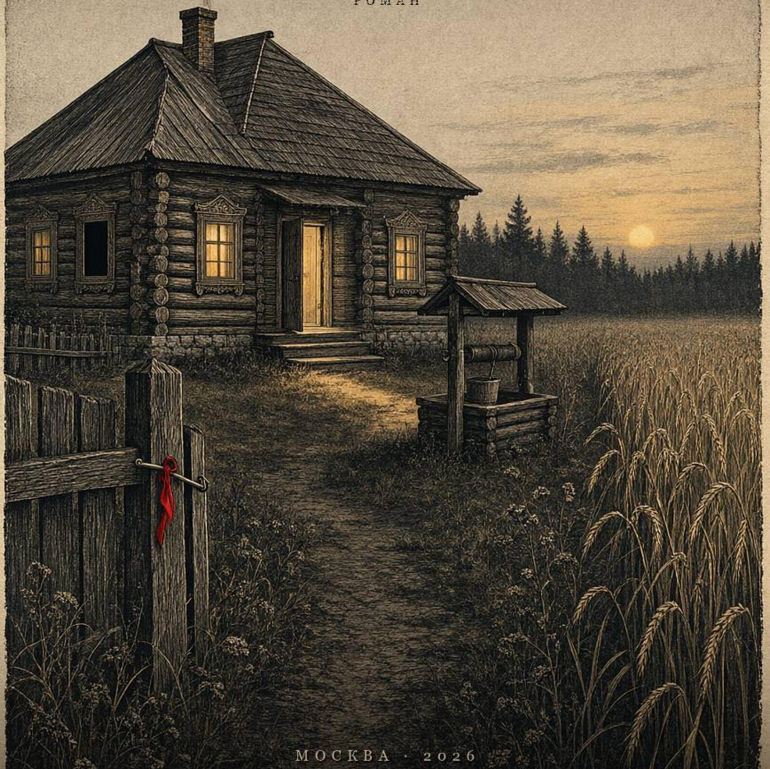
АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЖАРКОВ

16+

БАБУШКИНЫ ВЕЧЕРА

Сказки, которые не заканчиваются

РОМАН

МОСКВА · 2026

Александр Жарков
Бабушкины вечера

https://litres.ru/74725949
SelfPub; 2026

Аннотация

Восьмилетнюю Соню привозят на лето к бабушке в глухую деревню. Дом крепкий, двор чистый, молоко парное. Только тарелок на столе почему-то четыре, хотя живут вдвоём. И на золе у печи остаются маленькие отпечатки ладоней.

Каждый вечер бабушка берёт Сонины руки в свои и рассказывает сказку. Про печь, в которой нет огня, но кто-то дышит. Про воду, которая помнит всех, кто пил. Про межу, за которую нельзя переходить. Сказки жуткие. Сказки слишком похожи на правду.

К концу лета Соня понимает: бабушка не развлекает её. Бабушка готовит. К чему — пока не говорит.

Содержание

Часть первая. Июнь. Приезд 5
Дорога 6
Печь 24
Вода 48
Межа 72
Часть вторая. Июль. Сказки 93
Четверо 94
Конец ознакомительного фрагмента. 105

Александр Жарков
Бабушкины вечера

Слушай, дитятко. Не перебивай. Дослушаешь — поймёшь. Не дослушаешь — не спи. — Баба Марья, Осиновка

Дом на краю деревни. Июнь, вечер.

Часть первая. Июнь. Приезд

Лето красное — на всё пригожее. Да не для всех оно одинаковое. — Из бабушкиных тетрадей

Дорога

Последние семь километров дорога становится грунтовой, и машину начинает вести.

Соня сидит сзади, ремень врезается в плечо. В окне всё время одно и то же: берёзы, берёзы, поворот, поле. Потом опять берёзы. Она считает столбы, но сбивается на девятом. Столбы здесь некрашеные, серые, и от них пахнет не то смолой, не то дождём.

Впереди мама. Мама молчит с самой заправки. Её волосы собраны в хвост, и на шее под волосами темнеет полоска от солнца. Папа держит руль обеими руками, как будто руль может вырваться.

— Долго ещё? — спрашивает Соня.

— Скоро, — говорит папа.

— Ты это говорил.

— Значит, ещё скорее.

Мама смотрит в своё окно. У неё на коленях сумка, и она всё время её поправляет, хотя сумка лежит ровно.

Соня знает, что они уезжают. Она знает это с того утра, когда мама достала чемодан и сказала: «Бабушке помочь надо. Да и тебе полезно. Без телефона поживёшь». Папа тогда стоял в дверях и молчал. Он не смотрел Соне в глаза. Он смотрел на её кроссовки, на стену, на чайник. На всё, кроме неё.

Потом мама сказала: «На всё лето. В июне отвезём, в августе заберём». И у Сони внутри что-то стало тихо, как в классе, когда учительница выходит.

— А если я не хочу? — спросила она.

— Ты привыкнешь, — сказала мама.

Папа вышел на балкон и закурил. Он давно не курил. Соня слышала, как щёлкнула зажигалка, и как он кашлянул, и как потом долго стоял без движения.

В городе, за неделю до отъезда, мама составила список. Список был длинный, на две страницы, и висел на холодильнике под магнитом в виде лисы. «Чемодан. Кроссовки. Панамка. Куртка. Носки — шесть. Трусы — шесть. Шорты — две пары. Футболки — три. Книга. Блокнот. Карандаши». Соня прочитала список до конца и спросила:

— А телефон?

Мама не ответила. Она стояла у окна и смотрела на соседский балкон, где сушилось бельё.

Телефон забрали в последний вечер. Не забрали — попросили. Мама сказала: «Оставь. Бабушка не любит, когда в доме звонит». Соня положила телефон на стол. Он лежал там, чёрный, гладкий, и мигал, и она смотрела на него, пока он не погас. Потом пришло сообщение от Лизы: «Ты правда уезжаешь?» Соня не ответила. Она не знала, что ответить.

Ночью она слышала, как родители разговаривают на кухне. Голоса были тихие, но в доме было тихо тоже, и потому слышно было всё.

— Ей там будет лучше, — сказала мама.

— Ты сама в это веришь? — спросил папа.

Мама не ответила. Зашумела вода. Потом звякнула чашка. Потом мама сказала совсем тихо, так тихо, что Соня едва разобрала:

— Я не могу иначе.

— Я знаю, — сказал папа.

Соня лежала в своей комнате и смотрела в потолок. Потолок был белый, ровный, без единой трещины. На нём не было ничего, что можно было бы рассматривать. Она подумала: «Значит, я не еду, а меня отправляют». Это были разные вещи, и разница была важная, хотя Соня не смогла бы объяснить, в чём она.

Утром она взяла со двора камешек. Маленький, серый, с белой прожилкой. Она положила его в карман и весь день держала в кулаке, как держат что-то живое. Камешек был холодный, потом стал тёплый. Когда они садились в машину, мама проверила карманы и нашла его.

— Зачем тебе этот мусор? — сказала она.

— Это не мусор.

— Выброси.

Соня не выбросила. Она переложила камешек в другой карман, и мама сделала вид, что не заметила. С тех пор прошло четыре часа, и камешек всё ещё был с ней, в правом кармане шорт, и время от времени она трогала его через ткань.

Дорога идёт сначала по шоссе, мимо складов, мимо за-

правок, мимо посёлка, где на автобусной остановке сидит женщина с сумками и не смотрит на проезжающие машины. Потом шоссе кончается и начинается асфальт поуже. Потом кончается асфальт. Машина едет медленно, объезжая ямы, и в салоне начинает пахнуть пылью.

Они останавливаются один раз. Папа выходит, разминает спину, смотрит на поле. Мама достаёт из сумки термос и даёт Соне кружку с чаем. Чай сладкий, горячий, и в нём плавает листик. Соня пьёт и смотрит, как папа стоит у обочины, спиной к ним. У него опущены плечи. Так стоят люди, которые не знают, что сказать.

— Мам, — говорит Соня.

— Что?

— А почему я?

Мама смотрит на неё. У неё усталые глаза, и в них что-то такое, отчего Соне хочется извиниться, хотя она не знает, за что.

— Что — ты?

— Почему я должна ехать. А не кто-нибудь другой.

Мама долго молчит. Потом говорит:

— Потому что ты уже почти всё поняла. Я вижу.

— Что поняла?

— Всё.

Мама забирает у неё кружку и закрывает термос. Больше они об этом не говорят.

Деревня появляется сразу, как будто кто-то отдёрнул за-

навеску. Сначала — водонапорная башня, ржавая, на четырёх ногах. Потом — крыши. Их немного. Соня считает: раз, два, три, четыре, пять. Пятая крыша — серая, с провалом. Дальше — лес, тёмный, ровный, как стена.

— Осиновка, — говорит папа. — Приехали.

Мама выпрямляется.

Дом стоит на краю деревни, последний. Пятистенка, высокая, с резными наличниками. Наличники синие, с гроздьями рябины по углам. Краска облупилась, и под синим видно дерево, тёмное, как мокрая земля. Крыша шиферная, местами поросла мхом. Крыльцо в три ступени. Над дверью — маленький навес, и к навесу на нитке подвешены сухие травы.

Соня выходит из машины. Земля под ногами мягкая, пыльная. Пахнет тёплым навозом, дымом и чем-то сладким, приторным. Малиной, что ли. Она стоит и не двигается.

Калитка открывается. Бабушка идёт быстро, не по-старушечьи. Она невысокая, но широкая, в тёмном платье и в платке, завязанном под подбородком. Руки у неё большие, красные, в муке. На левой руке, у большого пальца, белый шрам.

— Приехали, — говорит бабушка. Голос у неё негромкий, но слышно далеко, как будто она говорит не ртом, а всей грудью. — Ну и хорошо. Ну и слава богу.

Она не обнимает Соню. Она берёт её за подбородок, поворачивает лицо к свету и смотрит. Долго. У бабушки глаза светлые, почти прозрачные, и в них что-то есть, чего Соня

не понимает. Как будто бабушка ищет на её лице что-то знакомое и не находит.

— Глазыньки мои, — говорит бабушка. — Устала, поди.

— Нет, — говорит Соня.

— И хорошо.

Мама выходит из машины. Она стоит у калитки, держит сумку двумя руками. Бабушка смотрит на неё, и лицо у бабушки делается другое — не злое, а закрытое, как ставня.

— Здравствуйте, Мария Тимофеевна, — говорит мама.

— Здравствуй, Оля, — говорит бабушка.

Они не подходят друг к другу. Папа достаёт чемодан из багажника. Он ставит его на землю, и чемодан сиротливо стоит в пыли, красный, с белой полосой. Соня вдруг думает: он здесь как гость, которого забыли позвать в дом.

Бабушка не приглашает их войти. Она стоит у калитки, вытирает руки о передник — медленно, по одному пальцу, — и смотрит на маму.

— Дорога-то пыльная, — говорит она. — Ну, ничего. Умоется.

Мама смотрит на дом. Долго. Так смотрят на человека, которого давно не видели и не знают, каким он стал. Потом говорит быстро, как будто боится, что не успеет:

— Мария Тимофеевна, у неё аллергия на пыль. И молоко — если много, то лучше не надо. И она боится темноты. То есть не боится, она не признаётся, но...

— Я знаю, — говорит бабушка.

Мама замолкает.

— Что ты знаешь?

— Всё, что надо, — говорит бабушка. — Я её не первый год вижу.

Это звучит странно, потому что бабушка видела Соню два раза в жизни, и оба раза Соня была маленькая и не помнила ничего, кроме запаха чая и чужого пальто. Но мама не спорит. Она только кивает и крепче берётся за сумку.

— Ну, — говорит папа. — Мы поедем.

Соня смотрит на него. Он смотрит на часы.

— Сейчас? — спрашивает Соня.

— Мы быстро, — говорит мама. — Туда и обратно. У папы в понедельник работа.

— Сегодня суббота.

— Ну вот.

Мама наконец подходит. Она наклоняется и целует Соню в макушку. Поцелуй получается торопливый, как будто мама боится задержаться. Потом она отстраняется и смотрит куда-то мимо Сониного уха.

— Слушайся бабушку, — говорит она. — Ешь хорошо. Не ходи... — Она замолкает. — Не ходи далеко.

— Куда?

— Никуда. Вообще.

Папа подходит последним. Он обнимает Соню крепко, слишком крепко, и она чувствует через футболку, как у него колотится сердце. Он держит её дольше, чем нужно. Потом

отпускает и суёт руку в карман.

— Если что, — говорит он тихо, — звони.

— Здесь не ловит, — говорит мама.

Папа не отвечает. Он смотрит на Соню, и у него дёргается щека.

— Всё, — говорит он. — Поехали.

Они садятся в машину. Мотор заводится с третьего раза. Мама смотрит вперёд. Папа смотрит в зеркало, на Соню, и она видит его глаза в зеркале, маленькие и тёмные. Потом машина разворачивается, и пыль встаёт столбом, и через минуту всё, что остаётся, — это пыль, которая медленно оседает на траву.

Соня стоит и смотрит на дорогу. Пыль оседает долго. Сначала она закрывает солнце — на секунду становится прохладно, — потом ложится на траву, на забор, на кроссовки. В ушах ещё гудит мотор. Потом перестаёт.

«Они уехали», — думает Соня. Не «они меня оставили». Просто «они уехали». Она замечает эту разницу и не понимает, почему ей от неё легче.

В правом кармане шорт лежит камешек. Соня сжимает его в кулаке. Камешек тёплый, как будто его долго держали в руке. Хотя его держала она, и держала давно.

— Ну, — говорит бабушка. — Пойдём, дитятко. Не стоять же.

Двор большой. Справа — сарай, серый, с дверью на двух петлях. Дверь приоткрыта, и внутри темно. Слева — баня,

маленькая, с покосившейся крышей. Прямо — колодец под навесом, с воротом и ведром на цепи. Цепь длинная, и ведро стоит на земле, опрокинутое. У колодца трава не скошена, высокая, и в траве что-то белеет. Соня присматривается: это лента. Мокрая, узкая, красная. Она лежит в траве, как будто её кто-то обронил.

— Не смотри туда, — говорит бабушка.

Соня вздрагивает.

— Я не смотрю.

— И хорошо.

Бабушка идёт через двор и по дороге называет всё, что попадается на глаза. Не Соне. Просто говорит вслух, ровно, как читают список.

— Это сарай. Там куры. И коза. Коза есть не просит, но ты всё равно не ходи.

— Почему?

— У неё рога.

— А баня?

— Баня по четвергам.

— А поле?

— Поле не твоё.

— А чьё?

Бабушка не отвечает. Она смотрит мимо колодца, туда, где огород кончается и начинается трава, а трава идёт вверх, к лесу. Там над травой стоит свет, и в этом свете ничего не видно. Соня щурится, но всё равно ничего не видит, только

белое.

— Дальше колодца не ходи, — говорит бабушка. — Это тебе не город. Тут каждый угол знает больше, чем ты.

— А если я забуду?

— Забудешь — я скажу.

Она говорит это спокойно, как говорят о вещах решённых. И Соня вдруг понимает: бабушка не боится, что она забудет. Бабушка вообще ничего не боится. Это почему-то хуже всего.

Бабушка идёт к крыльцу. Соня идёт за ней, волоча чемодан. На крыльце бабушка останавливается, оборачивается и трижды стучит костяшками по дверному косяку. Стук получается сухой, отчётливый.

— Хозяин, я вхожу, — говорит она. — Не серчай.

Потом открывает дверь и пропускает Соню вперёд.

В сенях темно и прохладно. Пахнет травами — горькими, сухими, — и ещё чем-то. Мокрой землёй? Нет. Холодом. Так пахнет в подъезде, когда открывают подвал. Соня стоит на пороге и ждёт, пока глаза привыкнут.

Под потолком висят пучки трав, перевязанные суровой ниткой. Их много. Полынь, зверобой, ещё какие-то, с мелкими белыми цветами. В углу — кадка с водой, накрытая доской. Слева — дверь в боковку. Справа — дверь в горницу. Прямо под ногами — люк. Квадратный, деревянный, с железным кольцом вместо ручки. Из-под люка тянет холодом.

— Это подпол, — говорит бабушка. — Туда не ходи.

— А что там?

— Картошка.

Бабушка говорит это спокойно, но Соня слышит, что она сказала не всю правду. Взрослые всегда так говорят, когда не хотят отвечать. Они отвечают коротко и делают вид, что это всё.

Горница большая. В ней пахнет печью — не дымом, а сухой глиной и старой золой. Печь занимает почти половину комнаты, белая, с лежанкой и тёмным устьем. Устье закрыто заслонкой. На шестке стоит чугунок, но он пустой, сухой. Летом печь не топят. Соня знает, что летом не топят, но всё равно ей кажется, что от печи идёт тепло. Или не тепло. Что-то.

Стол стоит у окна, накрытый клетчатой скатертью. Вокруг стола — лавки. На столе — хлеб под полотенцем, соль в деревянной солонке, четыре тарелки. Четыре. Соня пересчитывает. Одна, две, три, четыре.

— Бабушка, — говорит она. — А почему четыре тарелки?

Бабушка ставит чайник на стол. Руки у неё не дрожат.

— Это не тебе, — говорит она. — Не спрашивай.

— А кому?

— Я сказала.

Соня замолкает. Она смотрит на четвёртую тарелку. Тарелка как тарелка, белая, с синей каймой. На ней ничего нет. Но Соне кажется, что тарелка стоит не просто так. Что кто-то должен за неё сесть. Она не знает, откуда берётся это чув-

ство. Оно просто есть, как холод в сенях.

— Пойдём, покажу, где спать, — говорит бабушка.

Боковка маленькая. Кровать с металлическими шишечками, высокая, застеленная серым одеялом. У окна — стол, на столе — стакан с карандашами. Карандаши старые, очищенные перочинным ножом, разной длины. Соня смотрит на них и чувствует, как у неё в горле становится тесно.

— Это чьи? — спрашивает она.

— Твои, — говорит бабушка. — Купила.

— А зачем?

— Рисовать будешь.

Соня не помнит, чтобы она говорила бабушке, что любит рисовать. Она вообще не помнит, чтобы они с бабушкой разговаривали. Бабушка приезжала к ним два раза, оба раза сидела на кухне и пила чай, а потом уезжала. Соня тогда была маленькая.

— Я не говорила, что рисую.

— А я и не спрашивала, — говорит бабушка. — Я посмотрела.

Она открывает сундук, стоящий в углу. Сундук тяжёлый, окованный железом. Внутри — постельное бельё, пахнет мылом и чем-то ещё, сухим и пряным. Бабушка достаёт наволочку, и Соня видит на дне сундука что-то плоское, завёрнутое в тряпку.

— Что это?

Бабушка захлопывает крышку.

— Ничего.

Слишком быстро. Соня успевает заметить край фотографии — глянцевый, с белой зубчатой рамкой. И ещё она замечает, что бабушка после этого стоит неподвижно, спиной к ней, и держится за крышку сундука. Всего секунду. Потом отпускает и поворачивается.

— Постель сама постелешь? — говорит она. — Или помочь?

— Сама.

— Ну и умница.

Бабушка уходит. Соня остаётся одна. Она садится на кровать, и пружины скрипят. За окном — огород, малинник, дальше поле. Над полем стоит свет, жёлтый, вечерний. В траве стрекочут кузнечики. Где-то далеко, за деревней, мычит корова.

Соня достаёт из чемодана блокнот — обычный, в клетку, с карандашом на резинке. Она кладёт его на стол рядом с бабушкиными карандашами. Потом ложится на кровать и смотрит в потолок. Потолок деревянный, тёмный, с трещинами. В трещинах — пыль. Соня думает: «Вот я и приехала».

Она не плачет. Она не умеет плакать, когда её видят. А сейчас её никто не видит, но она всё равно не плачет. Внутри у неё тихо и пусто, как в классе, когда учительница выходит.

Вечером они едят на кухне — так бабушка называет маленькую пристройку за печью. На столе — картошка в чугунке, огурцы, хлеб, молоко в глиняной крынке. Молоко хо-

лодное, с пенкой. Соня пьёт и облизывает губы: молоко пахнет травой и чем-то тёплым, живым.

Бабушка ест медленно, но много. Она держит ложку в кулаке, как держат инструмент. Между ними стоит керосиновая лампа, хотя на улице ещё светло. Огонёк маленький, жёлтый, и в его свете лицо бабушки кажется моложе.

— Бабушка, — говорит Соня.

— Что, дитятко?

— А дедушка где?

Бабушка перестаёт жевать. Она смотрит в тарелку. Потом кладёт ложку.

— Ушёл, — говорит она. — Давно. Не вернётся.

— Куда ушёл?

— Далеко.

— А почему не вернётся?

Бабушка берёт хлеб и отламывает кусок. Хлеб мягкий, и мякиш у него белый, ноздреватый.

— Ешь, — говорит она. — Остынет.

Соня ест. Она хочет спросить ещё, но что-то в бабушкином лице говорит ей: не сейчас. Или не здесь. Или не спрашивай вообще.

Когда стемнело — а темнеет здесь поздно, но вдруг, сразу, — бабушка зажигает лампу.

— Зачем? — спрашивает Соня. — Светло же ещё.

— Светло, — соглашается бабушка. — А в доме уже нет.

Она ставит лампу на середину стола. Огонёк маленький,

но комната от него меняется: углы становятся глубже, потолок ниже, лицо бабушки — резче. За окном белеет полоска неба, и в ней стоят чёрные верхушки берёз.

Бабушка садится и складывает руки на столе. Не ест. Смотрит в окно.

— Бабушка.

— Тс.

Она сидит так, пока не гаснет полоска. Потом встаёт, подходит к окну, задёргивает занавеску — не до конца, оставляет щель в ладонь, — и трижды стучит по подоконнику. Тихо, но отчётливо.

— Дом, — говорит она. — Спи.

Соня ждёт, что она скажет ещё что-нибудь. Но бабушка молчит. Она берёт лампу и несёт её в боковку, и тени идут по стенам за ней, длинные, как люди.

После ужина бабушка моет посуду в тазу и вытирает каждую тарелку полотенцем. Четвёртую тарелку она не моет. Она ставит её обратно на стол, пустую, и накрывает ломтём хлеба. Потом достаёт из шкафа блюдце, наливает в него молока и уходит в сени. Соня слышит, как открывается и закрывается дверь. Потом — тишина. Потом — лёгкий стук, как будто блюдце поставили на пол.

Бабушка возвращается. В руках у неё красный шерстяной клубок и ножницы.

— Дай руку, — говорит она.

Соня протягивает левую. Бабушка отматывает нитку, об-

меряет вокруг запястья и отрезает. Потом завязывает нитку двойным узлом. Нитка красная, тонкая, и она сразу становится заметной на Сониной коже, как царапина.

— Не снимай, — говорит бабушка. — Пока не развяжу.

— А зачем?

— Чтоб не увели.

— Кто?

Бабушка убирает клубок в карман.

— Спи, — говорит она. — Утро вечера мудренее.

Ночью Соня просыпается от тишины.

Не от звука. От того, что звуки кончились. Кузнечики замолчали все сразу, как будто кто-то накрыл поле ладонью. В окне — чёрное небо и белая полоска света над лесом. Луна, что ли. Или ещё не луна.

Соня лежит и слушает. Сердце стучит. Она считает удары: раз, два, три, четыре. На пятнадцатом она слышит скрип.

Половица скрипит в сенях. Не там, где ходят. Ближе к подполу. Скрип короткий, как будто кто-то переступил с ноги на ногу и остановился.

Соня не двигается. Она смотрит в потолок и ждёт. Скрип повторяется. Потом ещё раз. Потом — тишина. Долгая. Соня считает до ста. На девяносто восьмом в сенях что-то мягко стукается о дверь. Так стукается кошка, когда хочет войти. Но кошки в доме нет. Соня видела двор, видела сарай. Кошки нет.

Она лежит и думает о городе. Там сейчас светло от фона-

рей, и во дворе гудит машина, и у соседей наверху работает телевизор, и звук идёт через стену ровно, как дождь. Там не бывает такой тишины. Там всегда что-нибудь да есть. А здесь тишина такая полная, что в ней слышно, как стучит кровь в ушах, и как далеко, на другом конце деревни, лает собака, и как собака замолкает, будто ей закрыли рот.

Потом в сенях кто-то говорит.

Соня задерживает дыхание. Голос бабушкин. Она узнаёт его сразу — негромкий, грудной. Но слов не разобрать. Бабушка говорит ровно, не спеша, с паузами, как будто читает вслух. Или как будто ей отвечают.

Соня встаёт. Пол холодный. Она подходит к двери и прижимается ухом.

— ...и двор, и дом, и печь, и подпол, — говорит бабушка. — Всё под присмотром. Всё на месте. Спите.

Пауза. Потом тихо, сухо — стук. Один. Второй. Третий.

Соня отходит от двери. Сердце у неё стучит так громко, что, наверное, слышно в сенях. Она ложится и натягивает одеяло до подбородка. Красная нитка на запястье кажется горячей. Соня трогает её пальцем и думает: «Это просто дом. Старые дома скрипят. Бабушка говорила, что дом старый. Дома скрипят, это нормально».

Она закрывает глаза. Проходит минута. Потом ещё одна. Она уже почти спит, когда дверь в боковку открывается. Не открывается — приоткрывается. На ширину ладони. И в щели стоит кто-то маленький. Он не двигается и не дышит.

Соня не открывает глаз. Она лежит и дышит ровно, как будто спит. Она думает: «Если я не буду смотреть, оно уйдёт». Думает так сильно, что начинает болеть голова. Потом дверь закрывается. Тихо, без скрипа.

Утром она увидит на полу в сенях следы. Маленькие, босые, как у ребёнка. Они идут от подпола к двери и обратно. И у самой двери, на пыли, остаётся тонкая полоска — как будто кто-то стоял и ждал, пока ему откроют.

Печь

Утром Соня находит следы.

Они в сенях, на половицах, где вчера была пыль. Малень-

кие босые ступни, пятка к пятке, пальцы широко. Следы идут от подпола к двери, топчутся у порога и возвращаются. У самой двери пыль стёрта — как будто кто-то стоял там долго и переминался с ноги на ногу.

Соня стоит в дверях боковки и смотрит. В сенях прохладно. Пахнет полынью и мокрой землёй. Где-то за стеной кудахчет курица.

— Встала, — говорит бабушка за спиной.

Соня вздрагивает. Бабушка стоит в дверях горницы, в руках у неё крынка. Она смотрит не на Соню, а на пол.

— Бабушка, — говорит Соня. — Тут следы.

— Вижу.

— Чьи?

Бабушка ставит крынку на лавку. Потом берёт из угла мокрую тряпку и вытирает пол. Движения у неё быстрые, привычные. Следы исчезают один за другим, как будто их и не было.

— Хозяин ходил, — говорит она.

— Какой хозяин?

— Домовой.

Соня ждёт, что бабушка засмеётся. Или скажет, что это шутка. Но бабушка выпрямляется, относит тряпку в угол и вытирает руки о передник.

— Он у нас живёт, — говорит она. — В печи. Ты его не бойся. Он добрый, пока его кормят.

— А если не кормят?

Бабушка смотрит на неё. Долго. У неё светлые глаза, и в них нет ни страха, ни веселья.

— Тогда он не добрый, — говорит она. — Иди умывайся. Вода в кадке.

Соня умывается холодной водой. Вода пахнет железом. Она фыркает и вытирается полотенцем, которое висит у рукомойника. Полотенце жёсткое, с вышитыми петухами.

— Бабушка, — говорит она, — а как его зовут?

— Никак.

— У всех есть имя.

— У людей, — говорит бабушка. — А он не человек. Ему имя не нужно. Ему нужно, чтобы его помнили.

— А ты помнишь?

— Я его с семи лет помню.

Бабушка садится на лавку и разглаживает передник на коленях. Соня ждёт. Она уже поняла: если бабушка села, значит, будет говорить.

— Он маленький, — говорит бабушка. — Мохнатый. Ноги босые, как у ребёнка. Ходит ночью, днём спит. Где спит — не знаю. Может, за печью. Может, под печью. Он не показывает.

— А ты его видела?

— Видела.

— Какой он?

Бабушка думает. Потом говорит:

— Обыкновенный. Как дед, только маленький. Сидит на

лежанке, бороду чешет. Смотрит.

— И что он делает?

— Дом держит. Чтобы труба не падала, чтобы хлеб не плесневел, чтобы мыши не шли. Он хозяин. Мы гости.

— А если он рассердится?

— Он не сердится, — говорит бабушка. — Он запоминает. Это хуже.

Она встаёт и достаёт из шкафа горбушку. Отламывает кусок, кладёт на блюдце, сыплет соли. Ставит блюдце на пол у печи.

— Ешь, Хозяин, — говорит она. — Не обессудь.

Потом оборачивается к Соне.

— Ты его не зови. Не свисти в доме. Не оставляй посуду немытой. И не садись на его место.

— А где его место?

— У печи, слева. Там, где тень.

Соня смотрит налево. Там, у печи, лежит тень. Обыкновенная тень, от шестка. Но Соне кажется, что тень чуть темнее, чем должна быть, и что в ней что-то есть. Она отводит глаза.

Днём она пробует его увидеть. Она ставит у печи кусок хлеба и садится напротив, на лавку. Сидит долго. Считает до ста. До двухсот. В доме тихо. Муха бьётся об стекло. Потом хлеб исчезает.

Соня вскакивает. На блюдце ничего нет. Ни крошки. Она оглядывается. В сенях — тишина. За окном — куры. Она

заглядывает за печь: темно, пыльно, ничего. Тогда она спрашивает громко:

— Ты здесь?

Никто не отвечает. Только в печи что-то мягко шевелится. Как будто кто-то перевернулся во сне.

Соня выбегает во двор и садится на крыльцо. Сердце стучит. Солнце горячее. Она сидит и думает: «Хлеб мог утащить кто угодно. Кошка. Птица. Ветер». Но кошки нет, птицы в дом не залетают, а ветер не ест хлеб.

Бабушка выходит из сарая с ведром. Смотрит на Соню и говорит:

— Ну что, поговорили?

— Он не ответил.

— Он ответил, — говорит бабушка. — Ты просто не услышала.

За завтраком бабушка не говорит. Она варит кашу в чугунке, ставит на стол крынку молока, режет хлеб. Четвёртая тарелка стоит на своём месте. Пустая.

Соня ест и смотрит на неё. Потом спрашивает:

— А кто ест из четвёртой?

— Никто, — говорит бабушка.

— А зачем она?

— Стоит.

— Просто стоит?

— Просто стоит.

Соня хочет спросить ещё, но вспоминает вчерашнее «не

спрашивай» и молчит. Она замечает, что бабушка сама не ест из четвёртой тарелки. И не убирает её. Тарелка стоит между ними, как ещё один человек, которого не видно.

После завтрака бабушка выходит во двор. Соня идёт за ней. На крыльце бабушка останавливается и трижды стучит по косяку.

— Хозяин, я выхожу, — говорит она. — Не серчай.

— А зачем стучать? — спрашивает Соня.

— Чтобы знал.

— Что знал?

— Что я выхожу. Он не любит, когда без спросу.

Соня думает: «Домовой не любит, когда без спросу. Значит, он здесь главный. Или думает, что главный». Она решает, что это как с соседями в подъезде: если громко топать, они стучат в стену.

Куры уже ждут у сарая. Их шесть, и все разные. Пеструха — серая в крапинку, толстая, важная. Белянка — белая, с гребешком набок. Ряба — рыжая, мелкая, шустрая. Чернушка — чёрная, с зелёным отливом. Глашка — горбоносая, похожая на старуху. Курочка — старая, с облезлым боком, ходит медленно. И петух Петрович, большой, красный, с белым пятном на шее. Он смотрит на Соню одним глазом и молчит.

— Пеструха, — говорит бабушка. — Иди сюда, моя хорошая.

Пеструха подходит. Бабушка берёт её на руки, проводит

ладонью по спине и что-то говорит ей в перья. Тихо, бормочет. Курица закрывает глаза и сидит у неё на руках, как ребёнок.

— Бабушка, а что ты ей сказала?

— Ничего. Поговорили.

— Куры не разговаривают.

— Эти разговаривают.

Бабушка отпускает Пеструху и берёт Белянку. С Белянкой она говорит дольше. Потом Рябу. Потом Чернушку. Глашке она ничего не говорит, только щёлкает пальцем по гребешку. Курочку гладит долго и молчит.

Соня стоит у забора и смотрит. Ей кажется, что куры действительно слушают. Не так, как слушают животные, а так, как слушают люди, которым есть что ответить. Пеструха после разговора идёт к сараю и что-то говорит — коротко, гортанно. Бабушка кивает.

— Что она сказала?

— Сказала, что яиц сегодня будет мало.

— А почему?

— Жарко.

Соня смотрит на небо. Небо чистое, белое от зноя. Жарко уже с утра.

После кур бабушка идёт в огород. Соня помогает полоть. Она знает, что такое полоть: мама весной сажала зелень на балконе, и там тоже были сорняки. Но здесь сорняки другие — крупные, с толстыми стеблями, и пахнут горько. Бабушка

показывает, какие рвать, а какие оставлять.

— Это лебеда, — говорит она. — Её можно в щи. А это — полынь. Полынь не рви. Она сама знает, где ей расти.

Соня работает молча. Земля тёплая, мягкая. Под ногтями остаётся чёрное. Над огородом гудят пчёлы. Где-то в малиннике возится птица.

Потом бабушка уходит в дом — ставить тесто. Соня остаётся одна. Она садится на траву у забора и достаёт блокнот.

Она рисует дом. Пятистенку, крышу, наличники. Наличники у неё получаются кривые, но она старается. Она рисует окна. Два в горнице, одно в боковке. В горнице за окном — стол и четыре тарелки. Она не думает, когда рисует. Просто рука идёт. Потом она смотрит на рисунок и видит, что нарисовала в окне ещё кого-то. Маленькую фигурку, стоящую у стола. Без лица. Она не помнит, как её нарисовала.

Соня закрывает блокнот. Сердце стучит. Она говорит себе: «Это просто тень от лампы. Я нарисовала тень». Но лампы в окне нет. Днём светит солнце.

Она стирает фигурку ластиком, и бумага в этом месте становится тонкой, почти прозрачной. На просвет видно, что под ней что-то есть. Другая сторона листа. Соня переворачивает страницу — там ничего. Просто клетка.

Вечером бабушка находит рисунок. Соня оставила блокнот на столе, и бабушка берёт его, листает — медленно, как листают чужую книгу, — и останавливается на доме.

— Дом, — говорит она. — Хорошо. Крыша есть. Труба

есть.

— Криво.

— Криво — не страшно. Главное, чтобы стоял.

Она смотрит на окно, в котором Соня стёрла фигурку. Бумага там тонкая, просвечивает.

— А тут что было?

— Ничего.

— Ты стёрла.

— Не получилось.

Бабушка смотрит ещё немного. Потом закрывает блокнот и кладёт его на стол.

— Рисуй, — говорит она. — Только окна не считай.

— Почему?

— Потому что в окнах живут.

— Кто?

— Кто там стоит, — говорит бабушка. — Тот и живёт.

Вечером, когда солнце уходит за лес и в комнате становится оранжево, бабушка топит печь. Нет, не топит. Она открывает заслонку, заглядывает внутрь и что-то там поправляет. Печь холодная. Соня стоит рядом и смотрит.

— А почему ты не топишь?

— Летом не надо.

— А зачем открыла?

— Проверить.

— Что проверить?

Бабушка не отвечает. Она закрывает заслонку и вытирает

руки. Потом ставит лампу не на стол, а на пол, у печи. Огонёк горит снизу, и лицо у бабушки становится снизу светлым, а сверху тёмным, как будто она смотрит из погреба. Она проверяет дверь — заперта ли. Проверяет занавеску — задёрнута ли. Потом садится на лавку и зовёт Соню.

— Иди сюда, дитятко. Садись.

Соня садится рядом. Бабушка берёт её руки в свои. Ладони у бабушки шершавые, тёплые, в муке. Она держит крепко, но не больно.

— Слушай, — говорит бабушка. — Слушай, родная. Не перебивай. Не спрашивай. Дослушаешь — поймёшь. Не дослушаешь — не спи.

Соня кивает. За окном начинают сверчки. Бабушка смотрит не на неё, а на печь. И говорит.

Сказка

Про девочку, которая услышала печь

Жила-была девочка. И была у неё мать, и был отец, и была печь.

Печь большая, белая, на всю избу. Зимой она грела, летом стояла холодная. Девочка любила зимой лежать на печи и слушать, как в ней гудит огонь. Гудит — как будто кто-то далёкий поёт. Мать говорила: «Это огонь поёт». Девочка верила. А потом перестала.

Лето было жаркое. Печь не топили. Девочка сидела у окна и плела венок из одуванчиков. Мать с отцом уехали на ярмарку, в соседнее село. Сказали: «Сиди дома, никуда не хо-

ди. К вечеру вернёмся». Поцеловали её в макушку и уехали. Телега скрипела, пока не скрылась за поворотом.

День был долгий. Девочка сначала обрадовалась: никто не говорит «не сиди», никто не говорит «пойди принеси». Она ходила по избе, трогала вещи. Потом вышла во двор. Солнце стояло высоко, и тени были короткие, как обрубки. Куры сидели в пыли и не двигались. Девочка попробовала их разогнать — они нехотя перешли на другое место и снова сели.

Она пошла к соседке. Соседка, тётя Настя, сидела на завалинке и лущила горох. Девочка села рядом. Тётя Настя дала ей горсть гороха и спросила:

— Одна, что ли?

— Одна.

— И не боишься?

— Чего?

Тётя Настя посмотрела на неё странно. Потом сказала:

— Иди домой. Скоро родители вернутся.

До вечера было далеко. Девочка вернулась. Она села у окна и стала ждать. Ждать было скучно. Она считала мух на стекле. Потом считала половицы. Потом стала считать, сколько раз прокричит петух. Петух прокричал три раза. Потом замолчал.

Девочка осталась одна. В доме было тихо. Так тихо, что слышно было, как муха бьётся об стекло. Она плела венок и слушала тишину. И в этой тишине услышала дыхание.

Оно шло от печи. Не из трубы, не из-под пола. Из самой

печи, из-за заслонки. Медленное, тяжёлое. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Как будто там лежал кто-то большой и спал.

Девочка подошла. Приложила ухо к заслонке. Железо было холодное, и от него пахло сажей. Дыхание стало громче. Теперь оно было совсем близко, как будто тот, кто дышал, стоял по другую сторону заслонки и тоже приложил ухо.

— Кто там? — спросила девочка.

Дыхание остановилось. Потом в печи что-то шевельнулось. Мягко, как переворачиваются во сне.

— Это я, — сказал голос. — Это я, доченька.

Девочка узнала голос. Это был мамин голос. Не похожий, а именно её — с хрипотцой, с тем тёплым выдохом в конце фразы, которым мама говорила «иди сюда, моя хорошая».

— Мама? — сказала девочка. — Ты же уехала.

— Уехала, — сказал голос. — А теперь вернулась. Открой, доченька. Мне холодно.

Девочка взялась за заслонку. Заслонка тяжёлая, чугунная. Она потянула её на себя, и та поддалась легко, как будто кто-то толкнул её изнутри.

В печи не было огня. Не было и зимы. В печи были ступени. Каменные, гладкие, они уходили вниз, в темноту. Из темноты шёл тёплый воздух и пахло не золой, а землёй — сырой, глубокой, как в погребе.

— Спустись, — сказал мамин голос. — Я тебе гостинца приготовила.

Девочка стояла на пороге печи и смотрела вниз. Ей было

страшно. Но голос был мамин. А мама никогда не желала ей плохого. Мама поила её молоком, когда она болела. Мама заплетала ей косу и говорила: «Какая ты у меня». Девочка подумала: «Если мама там, значит, там не страшно». И шагнула.

Ступени были холодные. С каждым шагом темнота сгущалась. Девочка считала ступени, чтобы не бояться. Одна, две, три, четыре. На десятой она перестала видеть свои руки. На двадцатой — перестала слышать своё дыхание. На тридцатой ей показалось, что она идёт очень долго, дольше, чем может идти дом. Но она шла.

Ступени были каменные, а потом стали деревянными. Потом снова каменными. Девочка не заметила, когда это случилось. Она шла и считала, но счёт сбился. На сороковой ступени ей показалось, что наверху, в доме, кто-то ходит. Она остановилась. Прислушалась. Шаги были тяжёлые, медленные. Они прошли над ней из угла в угол и затихли.

— Мама? — позвала она.

Никто не ответил. И тогда она поняла, что наверху никого нет. Что наверху — пустая изба, холодная печь и открытая заслонка. И что если она вернётся, то вернётся не туда.

Она заплакала. Первый раз за день. Слёзы капали на ступени. Она села и обхватила колени руками.

— Ну, что ты, — сказал мамин голос снизу. — Не плачь. Я здесь. Иди ко мне.

И она пошла.

Внизу забрезжил свет. Жёлтый, слабый, как от керосиновой лампы. Девочка вышла в комнату. Комната была большая, с низким потолком. В ней стоял стол, накрытый белой скатертью. За столом сидели люди. Девочка сразу узнала их: мать, отец, бабушка, ещё какие-то родственники, которых она видела редко. Все они сидели спиной к ней и ели.

На столе было много еды. Пироги, картошка, капуста, молоко в крынке. Люди ели молча, не поднимая головы. Ложки стучали о тарелки. Стук был ровный, как тиканье часов.

— Мама, — сказала девочка.

Мать не обернулась.

— Мама, — сказала девочка громче. — Я пришла.

Никто не обернулся. Девочка подошла ближе. Она обошла стол и встала рядом с матерью. Мать продолжала есть. Её ложка поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Девочка видела её лицо в профиль — нос, ресницы, родинку над губой. Всё было мамино.

— Мама, — сказала девочка и коснулась её плеча.

Мать повернулась.

У неё не было лица. Кожа была гладкая, ровная, без глаз, без носа, без рта. Как будто кто-то взял мамино лицо и стёр его ладонью. И всё-таки это была мать. Девочка знала это. Она стояла и смотрела, и не могла закричать.

Потом мать заговорила. Рта у неё не было, но голос шёл — мамин, тёплый, с хрипотцой.

— Садись, доченька, — сказала она. — Мы тебя ждали.

Девочка попятилась. Она наткнулась на стул. Стул был пустой, и на нём лежала тарелка. Тарелка была полная. В ней лежало что-то тёмное, похожее на землю.

— Садись, — сказали все за столом одним голосом. — Садись, доченька. Мы тебя ждали.

Девочка побежала.

Она бежала к лестнице, но лестницы не было. Была стена. Гладкая, каменная, холодная. Она шарила руками по стене, искала ступени, но находила только камень. За спиной было тихо. Потом тихо стало ещё тише, и она поняла, что все за столом повернулись и смотрят ей в спину. Без глаз. Она чувствовала их взгляды, как холод между лопатками.

Она побежала вдоль стены и попала в коридор. Коридор был длинный, с низким потолком, и по обе стороны стояли двери. Все двери были открыты. В одной комнате за столом сидели люди и ели. В другой качали колыбель. В третьей девушка в белом платье стояла перед зеркалом и расчёсывала волосы. У девушки не было отражения.

Девочка остановилась. Девушка была красивая. Она водила гребнем по волосам — медленно, сверху вниз, — и волосы были длинные, чёрные, как вода. Девочка подошла ближе.

— Ты кто? — спросила она.

Девушка не обернулась.

— Я та, что не вышла замуж.

— Почему?

— Потому что жених пришёл из-под пола.

Девочка не поняла. Девушка наконец обернулась. У неё было круглое, доброе лицо. И глаза — как у девочкиной матери. Только мутные, как у рыбы.

— Беги, — сказала девушка. — Пока не позвали по имени.

— А если позовут?

— Тогда остановись, — сказала девушка. — Если позовут по имени — остановись и не оборачивайся. Скажи: «Я не твоя». И иди.

— А если я обернусь?

Девушка улыбнулась. Улыбка у неё была хорошая, только изо рта шёл холод.

— Тогда ты останешься здесь. И будешь расчёсывать волосы. Долго.

Девочка попятилась. Она вышла из комнаты и побежала дальше. За спиной запели. Тихо, протяжно, как поют на свадьбе. Пели женщины. Пели так, что хотелось вернуться.

Она зажала уши и бежала, пока не уткнулась в стену.

И тогда она сказала:

— Мама.

И стена расступилась.

Девочка не помнила, как поднялась. Помнила только ступени под ногами, свои руки, хватающиеся за камни, и голос, который шёл сверху, из печи:

— Тише, тише. Не спеши. Ты теперь знаешь дорогу.

Она вывалилась из печи на пол. Заслонка стояла откры-

той. В комнате было светло. За окном пели петухи. Девочка лежала на полу и дышала. Платье у неё было в саже, ладони сбиты, колени разбиты. А за окном уже скрипела телега: мать с отцом возвращались с ярмарки.

Они вошли, весёлые, с гостинцами. Мать всплеснула руками: — Что это ты, доченька? Вся в саже!

Девочка посмотрела на неё. У матери было лицо. Глаза, нос, рот, родинка над губой. Всё на месте. Мать обняла её, и девочка почувствовала, как от неё пахнет дорогой, пылью и яблоками.

— Я упала, — сказала девочка.

— Ну, ничего, — сказала мать. — Умоешься.

Девочка не рассказала. Ни в тот вечер, ни потом. Она умылась, и её уложили спать. Она лежала на печи и слушала, как в печи гудит огонь. Огонь гудел ровно, спокойно. Как будто кто-то далёкий пел.

Только с того дня девочка перестала выходить из дома. Сначала она говорила, что ей не хочется. Потом перестала говорить. Она сидела у печи и слушала. Днём печь молчала. Вечером, когда все ложились, она начинала дышать. Девочка прикладывала ухо к заслонке и слушала.

Однажды мать спросила: — Что ты всё слушаешь?

Девочка ответила: — Проверяю, слышит ли он меня.

Мать не поняла. А девочка поняла. Она поняла, что теперь знает дорогу. И что дорога знает её.

Шли годы. Девочка выросла. У неё были женихи — двое,

оба из соседних деревень. Первый был кузнец, широкий, весёлый. Он приезжал на коне, и конь у него был хороший. Девочка вышла к нему на крыльцо и постояла. Потом сказала:

— Не могу.

— Почему? — спросил кузнец.

— Печь не пускает.

Кузнец засмеялся. Потом перестал смеяться. Потому что девочка смотрела ему не в лицо, а за плечо, и в глазах у неё было что-то такое, отчего он собрал поводья и уехал.

Второй был вдовец с ребёнком. Он пришёл пешком, с гостинцами. Девочка приняла гостинцы, напоила его чаем и проводила до калитки. У калитки она сказала:

— Ко мне нельзя.

— Почему?

— У меня в доме уже есть один.

Вдовец не понял. Но ушёл.

Мать с отцом умерли. Сначала отец — зимой, на льду, — потом мать. Девочка осталась в доме одна. Она топила печь по утрам, готовила, убирала. Она белила печь два раза в год, и белая краска ложилась ровно. Она клала у заслонки кусок хлеба и солила его. Она не свистела в доме.

А по ночам сидела у заслонки и слушала.

Иногда в печи кто-то дышал. Иногда — говорил её голосом. Она отвечала. Она уже не боялась. Она привыкла.

А потом в дом пришла другая девочка. Внучка. Она приехала на лето, и ей было скучно, и она села у печи. Девочка

— теперь уже старуха — увидела это и сказала:

— Отойди от печи.

Внучка не послушалась. Она приложила ухо к заслонке.

И печь сказала ей:

— Это я. Это я, доченька. Открой.

Бабушка замолкает.

Соня сидит и не двигается. Руки у неё в бабушкиных руках, и бабушкины руки тёплые. За окном совсем темно. Сверчки трещат так громко, что кажется, будто они в комнате.

— Запомнила? — спрашивает бабушка.

Соня кивает. Потом говорит:

— Она умерла?

— Кто?

— Девочка.

Бабушка отпускает её руки. Поправляет платок.

— Она была наша, — говорит она. — Из наших. Такие сказки не про чужих, дитятко. Такие сказки про тех, кто в этом доме жил.

— И она до сих пор там?

— Где?

— В печи.

Бабушка смотрит на заслонку. Долго.

— Печь одна, — говорит она. — А домов много. Она не в печи. Она в дороге. Кто дорогу знает, тот по ней и ходит.

— А теперь слушай правило, дитятко. Слушай и запоми-

най.

Правило

Печь говорит — слушай.

Печь зовёт — не ходи.

Печь молчит — бойся.

— А почему молчит — бойся? — спрашивает Соня.

— Потому что, когда она молчит, она слушает, — говорит бабушка. — А когда она слушает, она запоминает. А запомнит — позовёт.

— А если я не пойду?

Бабушка смотрит на неё. В свете лампы её лицо кажется вырезанным из дерева — тёмные впадины, резкие скулы.

— Не ходи, — говорит она. — Если позовёт — не ходи. Если заплачет — не ходи. Если скажет, что я зову, — не ходи. Я тебя зову только голосом. Поняла?

— Поняла.

— Повтори.

— Если печь позовёт — не ходи. Я тебя зову только голосом.

— Хорошо.

— Бабушка, а ты ходила?

Бабушка не отвечает сразу. Она смотрит на огонёк лампы.

— Ходила, — говорит она. — Один раз. Меня моя бабка за ногу вытащила.

— А что там было?

— То же, что всегда. Стол. Люди. Еда.

— А ты ела?

— Нет, — говорит бабушка. — Если бы поела, меня бы уже не было.

Она говорит это спокойно, как говорят о погоде. У Сони холодеет спина.

— А почему они едят золу?

Бабушка поворачивается к ней.

— Кто тебе сказал про золу?

— Я видела. Во сне.

Бабушка долго смотрит на неё. Потом говорит:

— Значит, ты уже близко подошла.

Она встаёт. Закрывает заслонку и задвигает её поплотнее. Потом берёт с шестка блюдце, наливает в него молока и ставит перед печью, на пол.

— Ешь, Хозяин, — говорит она. — Спасибо, что дом держишь.

Соня смотрит на блюдце. Молоко белое, ровное. В нём отражается огонёк лампы. Она ждёт, что бабушка объяснит. Но бабушка не объясняет. Она гасит лампу и говорит:

— Спи. Утро вечера мудренее.

Ночью Соне снится сон.

Она стоит в печи. Заслонка открыта, ступени уходят вниз. Она знает, что нельзя, но идёт. Ступени холодные. Она считает: одна, две, три. На десятой темнота. На двадцатой — тишина.

Внизу горит лампа. За столом сидят люди. Соня подходит

ближе и видит: это мама, папа, бабушка. Все спиной. На столе четыре тарелки. В трёх еда, четвёртая пустая.

Соня садится на четвёртый стул.

Мама поворачивается. У мамы есть лицо. Мама смотрит на Соню и говорит:

— Ты чего не спишь?

— Я не хочу спать, — говорит Соня.

— А надо, — говорит мама. — Иначе он придёт.

— Кто?

Мама не отвечает. Она берёт ложку и ест. Соня смотрит в её тарелку. Там не еда. Там зола. Мама подносит ложку ко рту и ест золу. Папа ест золу. Бабушка ест золу. Все едят молча.

Соня хочет встать, но не может. Стул держит её. Она смотрит на четвёртую тарелку. Тарелка полна золы. И тогда из-под стола кто-то берёт её за руку.

Соня просыпается.

В комнате темно. Окно открыто, и в него смотрит белая полоса света. Соня лежит и слушает. В доме тихо. Потом в печи что-то шевелится. Мягко, как переворачиваются во сне.

Она натягивает одеяло до подбородка. Красная нитка на запястье кажется горячей.

Утром на золе, у самого устья печи, она увидит маленькие отпечатки ладоней. Две ладони, детские, с растопыренными пальцами. Как будто кто-то опирался, когда вылезал.

Бабушка увидит их тоже. Она не станет вытирать. Она посмотрит, вздохнёт и насыплет в блюдце ещё молока.

Соня спросит:

— Бабушка, а почему у него ладони как у ребёнка?

— Потому что он маленький, — скажет бабушка. — Я же говорила.

— А почему их две?

Бабушка не ответит. Она поставит блюдце у печи и повернёт Соню к двери.

— Иди, — скажет она. — Поздоровайся.

— С кем?

— С домом.

Соня подойдёт к двери. Она не будет знать, что сказать. Потом вспомнит, как бабушка стучала, и стукнет три раза — кулаком, не костяшками, и получится громко.

— Хозяин, — скажет она. — Это я.

В сенях будет тихо. Потом в печи что-то мягко шевельнётся.

Бабушка за спиной скажет:

— Вот и познакомились.

Вода

Проходит неделя. Соня перестаёт считать дни.

Утро начинается с крика Петровича. Он кричит раньше

солнца, и от его крика в боковке дрожит стекло. Потом бабушка гремит у печи. Потом куры начинают переговариваться у сарая. Соня лежит и слушает, как дом просыпается. Она уже знает все его звуки: скрип половицы у порога, вздох трубы, шорох травы под крышей.

Она привыкла вставать рано. В городе она спала до девяти, а здесь просыпается в шесть, и ей не хочется спать. Утро в деревне особенное: свет косой, длинный, и в этом свете всё кажется новым. Трава мокрая от росы. Паутина на заборе висит, как бусы. Пахнет молоком и дымом.

Бабушка уже подоила корову. Корова у неё есть, но не в хлеву, а у соседки, тёти Вали. Бабушка ходит доить в пять утра, возвращается с ведром, и молоко в ведре ещё тёплое, с пеной. Соня пьёт его из кружки, и оно пахнет травой и немного — коровой.

— Бабушка, — спрашивает Соня однажды, — а почему корова не у нас?

— У нас места нет, — говорит бабушка. — И потом, корове нужен глаз. А у меня и без коровы глаз.

— А у нас кто есть?

Бабушка думает. Потом говорит:

— У нас есть дом. Это больше, чем корова.

Соня не понимает. Но запоминает.

Утром бабушка учит её носить воду. Она выносит из сеней коромысло — длинное, гладкое, вытертое до блеска — и ставит Соне на плечо.

— Держи вот так. Не на шее, на лопатке. Иди ровно. Не спеши.

Соня берёт ведра. Они тяжёлые. Коромысло качается, вода выплёскивается на пыль. Соня делает шаг, потом другой. Ведра идут вразнобой, и она останавливается.

— Не смотри в ведро, — говорит бабушка.

— Почему?

— Смотришь в ведро — видишь себя. А вода этого не любит.

Соня больше не смотрит. Она идёт и смотрит прямо перед собой. Двор длинный. От колодца до крыльца — двадцать шагов. Она считает их. На десятом ведра выравниваются. На пятнадцатом ей кажется, что коромысло стало легче. На двадцатом она ставит ведра на крыльцо и выдыхает.

— Хорошо, — говорит бабушка. — Завтра ещё поносишь.

Колодец глубокий. Дна не видно. Бабушка опускает ведро, и ворот крутится, и цепь идёт вниз, и Соня считает обороты: один, два, три, четыре. На седьмом — глухой всплеск.

— Двенадцать метров, — говорит бабушка. — Может, больше. Я не мерила.

— А что на дне?

— Вода.

— А под водой?

Бабушка вытаскивает ведро. Вода в нём чёрная, тяжёлая. Она зачерпывает ковшом и выливает первый ковш на землю у сруба.

— Пей, земля, — говорит она. — Не серчай.

— А зачем?

— Первая вода — не наша. Первая вода — дому.

Соня смотрит, как вода впитывается в пыль. Пыль темнеет и пахнет дождём.

— Бабушка, а колодец давно?

— Давно.

— Дольше дома?

Бабушка ставит ведро на сруб. Смотрит в него.

— Дольше, — говорит она. — Дом ставили на колодец. Так всегда ставят. Чтобы дом знал, где вода.

— А если колодец высохнет?

— Он не высохнет.

— А если?

Бабушка выпрямляется. У неё на лбу капельки пота, и она вытирает их тыльной стороной руки.

— Тогда дом уйдёт, — говорит она. — Дом без воды не стоит.

Соня думает об этом весь день. Ей кажется, что она поняла что-то важное, но не может сформулировать. Дом стоит на воде. Вода под домом. Вода помнит. Всё связано.

Днём они собирают малину. Малинник за огородом, большой, запущенный. Ягоды мелкие, но сладкие. Соня ест больше, чем кладёт в ведро. Бабушка не ругается. Она говорит:

— Ешь. Малина — она от сердца.

— Как это?

— А так. Кто малину ест, у того сердце мягкое.

— А у тебя мягкое?

Бабушка усмехается.

— У меня, дитятко, сердце твёрдое. Как репа. Но малину я люблю.

Они сидят в малиннике, и солнце печёт спину. Кузнечики трещат. Где-то в кустах возится птица. Соня смотрит на бабушкины руки. Руки большие, в царапинах, ногти короткие, чёрные от земли. Бабушка берёт ягоду и кладёт в рот. Движения у неё спокойные, как у человека, который делает это всю жизнь.

— Бабушка, — говорит Соня. — А почему ты не пьёшь из колодца?

Бабушка перестаёт жевать. Смотрит на неё.

— Кто сказал, что не пью?

— Ты сказала. В первый день. «Из колодца не пей».

— А, — говорит бабушка. — Это не тебе одной. Это всем.

— А почему?

Бабушка долго молчит. Потом говорит:

— Вода помнит.

— Что помнит?

— Всё. Кто пил, когда пил, зачем. Вода — она как книга. Только читать её нельзя. Кто прочитает — не забудет.

Соня думает об этом. Потом спрашивает:

— А ты читала?

— Я — нет, — говорит бабушка. — Я умная.

Она говорит это без улыбки. И Соня понимает, что это не шутка.

Вечером бабушка идёт к колодцу. Соня идёт за ней. Бабушка несёт кусочек хлеба — маленький, чёрствый, отрезанный от буханки. У колодца она останавливается, крестится не крестом, а как-то иначе — кланяется на восток и касается рукой груди. Потом бросает хлеб в воду.

Хлеб падает долго. Соня слышит всплеск — далёкий, глухой. Ведро на цепи качается, хотя ветра нет.

— Бабушка, а зачем?

— Хлеб — ей.

— Кому ей?

— Хозяйке.

— А кто она?

Бабушка поправляет платок.

— Та, что живёт в воде, — говорит она. — Она тут давно. Может, дольше, чем дом. Мы с ней договорились. Я ей — хлеб. Она мне — воду.

— А мы из неё пьём?

— Нет. Мы из неё не пьём. Мы из неё берём.

— Разве это не одно и то же?

Бабушка смотрит на неё. В сумерках её глаза кажутся светлыми, как у кошки.

— Нет, — говорит она. — Пить — это когда ты к воде приходишь. А брать — это когда вода к тебе приходит. Мы берём. Она нас не помнит. А если пить — запомнит.

Соня подходит к колодцу. Он старый, сруб тёмный, мокрый. Ворот скрипит. Внизу — вода, чёрная, гладкая, как стекло. Соня наклоняется. Она видит своё отражение: короткие волосы, острого лица, глаза. Она поднимает руку и машет. Отражение машет тоже. Но с опозданием. Совсем маленьким. На полсекунды.

Соня замирает.

Она смотрит ещё раз. Отражение смотрит на неё. Глаза у него её. Нос её. Губы её. Но что-то не так. Оно улыбается. Соня не улыбается.

— Отойди от колодца, — говорит бабушка.

Соня отходит.

— Я ничего не сделала.

— Я знаю, — говорит бабушка. — Отойди.

Она берёт Соню за плечо и уводит. Соня оборачивается. В траве у колодца что-то белеет. Та же лента, что она видела в первый день. Красная, мокрая. Теперь она лежит ближе к кадке, как будто её кто-то передвинул.

Соня не говорит о ленте. Бабушка тоже.

Ночью Соня не может уснуть. Она лежит и смотрит в окно. За окном — белая ночь, тихая, как будто весь мир замер. Потом в сенях что-то шуршит. Соня прислушивается.

Шуршит у подпола. Потом — тихий всхлип. Один. Как будто ребёнок во сне. Потом ещё один. Соня садится на кровати.

Она вспоминает бабушкины слова: «Плачет. Не трогай.

Ей надо».

Она ложится обратно. Смотрит в потолок. Всхлипы продолжаются. Они не громкие. Они такие тихие, что Соня слышит их только потому, что в доме больше нет ничего. И в этих всхлипах есть что-то, от чего у неё сжимается горло. Она не знает, что это. Может, жалость. Может, страх.

Она лежит и думает: «Если она плачет, значит, ей плохо. Если ей плохо, надо помочь. Бабушка говорит — не трогай. Но бабушка говорит это так, как будто знает. Она знает больше меня».

Она засыпает. Утром в сенях опять холод, и блюдце с молоком у подпола пустое.

Днём Соня спрашивает про крышку.

— У колодца была крышка?

Бабушка вяжет. Спицы стучат ровно, как часы.

— Была.

— А куда делась?

— Нашли в огороде.

— Кто?

— Не знаю, — говорит бабушка. — Утром пришли — лежит между грядками. Целая.

— А потом?

— Накрыли новую. Через неделю нашли у сарая.

Соня молчит. Спицы стучат.

— А теперь?

— А теперь не накрываем, — говорит бабушка. — Ему

не нравится.

— Кому?

— Колодцу.

Тесто для пирога бабушка ставит в боковке, у окна, чтобы подходило. Соня сидит рядом и смотрит, как тесто поднимается. Оно живое, тёплое, дышит. Бабушка накрывает его полотенцем и говорит:

— Не открывай. Убежит.

— Тесто не бегает.

— Это у тебя не бегает. А у меня раз убежало.

— Как?

Бабушка садится напротив, вытирает руки.

— Я тогда молодая была. Тесто поставила, а сама во двор. Прихожу — а оно из квашни вылезло и по столу идёт. Тихо так, как живое. Я его назад — а оно не идёт. Упирается.

— И что ты сделала?

— Сказала: «Куда идёшь? Стой». Оно и встало.

— Тесто?

— Тесто, — говорит бабушка. — Оно всё слышит. Пока в квашне — оно тесто. А как вылезет — оно уже не тесто.

— А кто?

Бабушка не отвечает. Она поправляет полотенце на квашне.

— Не открывай, — говорит она. — Убежит.

Соня смеётся. Бабушка смотрит на неё и тоже улыбается. Улыбка у неё короткая, как будто она давно не тренирова-

лась.

— Бабушка, — говорит Соня. — А мама в детстве тут жила?

— Жила.

— А почему уехала?

Бабушка вытирает руки о передник.

— Вышла замуж. Уехала.

— А папа?

— И папа.

— А ты не хотела с ними?

— Я здесь родилась, — говорит бабушка. — Мне здесь место.

— А мне?

Бабушка смотрит на неё долго. Потом говорит:

— И тебе.

Соня хочет спросить, что это значит, но бабушка уже отвернулась и гремит противнем.

В тот вечер она рассказывает вторую сказку.

Они сидят у печи. Печь холодная. Соня уже привыкла к тому, что бабушка сидит у холодной печи, как другие люди сидят у телевизора. Бабушка берёт её руки в свои.

— Слушай, дитятко. Слушай, родная. Не перебивай. Не спрашивай. Дослушаешь — поймёшь. Не дослушаешь — не спи.

Соня кивает.

— Сегодня я тебе расскажу про воду, — говорит бабушка.

— Про ту, что живёт в воде. Слушай.

Сказка

Про ту, что живёт в воде

В одной деревне, у самой реки, жила девушка. Красивая была — не то что писаная, а своя, кровная. Глаза серые, коса тяжёлая, руки быстрые. Мать её учила: «На реку ходи, да за край не заступай. Что в воде лежит — не твоё. Не поднимай».

Девушка слушала мать, пока мать была жива. А потом мать умерла, и девушка осталась одна с отцом. Отец был молчаливый, целыми днями пропадал в поле. Девушка делала всё по дому: стирала, готовила, ходила на реку с бельём.

Дом стоял на краю деревни, у самой воды. Весной река поднималась и подходила к самому крыльцу, и девушка слышала, как вода лижет ступени. Она не боялась. Она выросла с этой водой. Она знала, где мелко, где глубоко, где течение тянет под коряги.

Она ходила на реку каждый день. Стирала, полоскала, набирала воду. Иногда садилась на камень и смотрела в воду. Вода шла, и в ней отражались облака, и девушке казалось, что она смотрит в другое небо.

Мать она помнила плохо. Помнила руки, тёплые и быстрые. Помнила голос, который говорил: «Не заступай за край». Помнила, как мать болела — долго, всю зиму, — и как отец сидел у её постели и молчал. Потом мать умерла, и её похоронили на бугру. Девушка ходила на бугор каждое

воскресенье и разговаривала с ней. Рассказывала, что было в деревне, кто женился, кто умер, что посеяли. Она знала, что мать не слышит. Но говорила.

А потом начала говорить с рекой. Река слушала лучше. Река отвечала — не словами, а течением, всплеском, тенью под водой. Девушка думала: «Это мне кажется». И приходила снова.

Однажды пришла она на берег. Солнце садилось, вода была гладкая, как зеркало. Она разложила бельё на камнях и стала полоскать. И увидела в воде гребень.

Гребень лежал у самого берега, между камнями. Костяной, белый, с резными зубцами. Красивый — не бывает таких в деревне. Девушка посмотрела на него и подумала: «Чей это? Наверное, купеческий. Кто-то потерял». Она наклонилась, вынула гребень из воды и обтёрла о передник.

Гребень был холодный. Долго не согревался.

Девушка принесла его домой и положила на полку. Ночью ей приснилось, что кто-то сидит на краю её постели и расчёсывает ей волосы. Медленно, бережно, как когда-то мать. Гребень шёл по волосам, и волосы распутывались сами. Девушке было тепло. Она спала и не просыпалась.

Утром она встала и увидела, что коса у неё заплетена. Туго, ровно, красивее, чем она сама умела. Она подумала: «Может, я сама спросонья». И забыла.

На следующую ночь кто-то снова расчёсывал её волосы. Девушка просыпалась, но не открывала глаз. Ей было слиш-

ком хорошо. Утром коса снова была заплетена. И в волосах остались мелкие капли воды.

Она стала ждать ночи. Днём она делала работу и думала о том, как придёт ночь и кто-то сядет на край постели. Она не знала, кто. Она не хотела знать. Она хотела, чтобы расчёсывали.

Сначала заметила соседка. Она пришла за солью, посмотрела на девушку и сказала:

— Что это у тебя коса какая? Раньше ты так не плела.

— Научилась, — сказала девушка.

— У кого?

— У себя.

Соседка ушла, но в дверях оглянулась. Потом в деревне стали говорить. Говорили разное: что девушка сохнет, что лицо у неё стало не своё, что она по ночам разговаривает с кем-то. Приходил священник. Он окропил дом святой водой и сказал:

— Молись, дочь моя.

Девушка кивнула. Она не сказала ему, что гребень лежит на полке и что она уже не может без него. Она и себе этого не говорила.

Был у неё жених — соседский парень, Игнат. Хороший парень, работящий. Он приходил по воскресеньям, приносил пряники. Однажды он взял её за руку и сказал:

— Пойдём за меня.

Она посмотрела на него и хотела сказать «пойду». И не

смогла. Потому что подумала: «А как же ночь?»

Игнат ждал. Потом отпустил руку.

— Ты изменилась, — сказал он.

— Я знаю.

— Я тебе не нужен.

Она не ответила. Игнат ушёл. Больше не приходил. Через год женился на другой, и на свадьбе девушка не была.

Потом у неё начали выпадать волосы. Сначала немного. Потом пучками. На подушке оставались тёмные пряди, и они были мокрые, как будто их вынимали из воды. Девушка испугалась. Она взяла гребень и бросила его в реку. Сказала: «На, забери. Не надо мне больше».

Ночью кто-то снова сел на край постели. Девушка лежала и не дышала. Гребень снова шёл по её волосам. Медленно, бережно. И голос — тихий, женский, как из-под воды — сказал:

— Гребень я взяла. А волосы? Волосы-то мои.

Девушка вскочила. В комнате никого не было. На полу лежал гребень — мокрый, белый, с резными зубцами. Он вернулся.

Она пошла к старой знахарке, что жила на краю деревни. Знахарка посмотрела на неё и сказала:

— Что взяла из воды, верни. И то, что вода взяла у тебя, отдай. Иначе не отвяжется.

— А что она взяла?

— Посмотри.

Девушка посмотрела в зеркало. У неё на голове была коса. Такая же, как раньше, тяжёлая, тёмная. Но девушка знала: она её не плела. И волосы были чужие. Они пахли рекой.

— Волосы верни, — сказала знахарка. — Не косу. Косу не вернёшь. Верни то, что осталось.

— А что осталось?

— Одна прядь. В каждой косе есть одна прядь, которая не твоя. Найдёшь — сожги. Пепел отдай воде. И три ночи не спи. Если уснёшь — она придёт и заберёт остальное.

— А если не найду?

— Найдёшь, — сказала знахарка. — Она сама тебе покажется. Она уже близко.

Она вернулась на берег ночью. Взяла гребень и бросила в воду. Потом вынула нож и отрезала косу. Коса упала ей в руки, тяжёлая, как мокрая верёвка. Девушка бросила её в реку следом за гребнем.

Дома она перебрала волосы. Долго, прядь за прядью. И нашла — одну, у самого корня, светлую, не похожую на остальные. Она взяла её и хотела сжечь. Но не сожгла. Она подумала: «Это же мои волосы. Пусть останется на память».

Она положила прядь в шкатулку и закрыла крышку.

Так она и не отдала всё.

Вода забурлила. Из неё поднялась рука — белая, длинная, с зелёными ногтями. Она поймала косу и ушла под воду. Над рекой остался только круг на воде. И голос сказал:

— Спасибо, красавица. Теперь у меня есть и гребень, и

коса. А ты иди. Я тебя не забуду.

— Ты не всё отдала, — сказал голос ещё тише.

Девушка не услышала. Или сделала вид, что не услышала.

Девушка вернулась домой. Волосы у неё отросли, но уже другие — тонкие, светлые, как водоросли. Люди говорили: «Что это с тобой?» Она отвечала: «Обрезалась». Больше никто не спрашивал.

Она вышла замуж, родила детей, состарилась. Только с тех пор она никогда не подходила к воде. Ни к реке, ни к пруду, ни к колодцу. А если видела где-то гребень — пусть даже свой, на полке, — отворачивалась и уходила.

А вода её не забыла. Каждую ночь, когда девушка — теперь уже старуха — ложилась спать, кто-то садился на край её постели. И расчёсывал её седые волосы. Медленно, бережно. Старуха не просыпалась. Но утром на подушке всегда оставалась мокрая прядь.

Пришли однажды к ней внучки — две, старшая и младшая. Старшая была серьёзная, в отца. Младшая — бойкая, с длинными волосами, которые она всё время заплетала и расплетала.

Они остались у старухи на лето. Старшая помогала по хозяйству. Младшая скучала. Она открывала шкафы, трогала вещи, спрашивала: «А это чьё? А это откуда?»

Однажды она нашла на полке гребень — белый, костяной, с резными зубцами. Он лежал в тряпице, и тряпица была мокрая, хотя в доме было сухо.

Младшая взяла его и поднесла к волосам.

Старуха открыла глаза и сказала:

— Не бери.

Внучка не послушалась. Она провела гребнем по волосам — один раз, сверху вниз.

И волосы у неё сразу стали гладкие, тяжёлые, как вода.

— Бабушка, — сказала она. — Смотри, как хорошо.

Старуха смотрела на неё и молчала. Она уже знала, что будет. Она знала это шестьдесят лет.

— Иди сюда, — сказала она. — Дай я тебе косу заплету.

Младшая села у её ног. Старуха взяла гребень и стала расчёсывать. Медленно, бережно. И в её руках гребень был тёплый, как живой.

— Бабушка, — сказала младшая. — А почему у тебя руки мокрые?

— Это не руки, — сказала старуха. — Это вода.

Она заплела косу. Туго, ровно, красивее, чем умела внучка. Потом отпустила её и сказала:

— Иди. И не расплетай.

Внучка убежала во двор. Старуха осталась сидеть. Она смотрела на свои руки. С них капало.

А в реке, за огородом, вода стояла тихо-тихо. И ждала.

Бабушка замолкает.

Соня сидит, не двигаясь. У неё чешется затылок. Она трогает волосы — короткие, сухие. Свои.

— Она умерла? — спрашивает Соня.

— Кто?

— Старуха.

— Все умирают, — говорит бабушка. — Не в том дело.

— А что с внучкой?

Бабушка встаёт. Подходит к печи. Открывает заслонку, заглядывает внутрь. В печи темно.

— Слушай правило, — говорит она.

Правило

Из воды ничего не поднимай.

Не твоё. Отдай обратно.

— А если уже подняла? — спрашивает Соня.

Бабушка закрывает заслонку. Поворачивается.

— Тогда отдай. И то, что взяла, и то, что вода взяла у тебя. Всё отдай. До последнего.

— А если нечего отдавать?

Бабушка смотрит на неё. В её глазах что-то, чего Соня не может назвать. Не страх. Печаль.

— Тогда отдашь себя, — говорит она. — Спи.

— Бабушка, — говорит Соня. — А лента у колодца?

Бабушка не оборачивается.

— Какая лента?

— Красная. Мокрая.

— Нет там никакой ленты, — говорит бабушка.

Соня хочет сказать, что видела. Но бабушка смотрит на неё, и взгляд у неё такой, что Соня замолкает. Она понимает: бабушка знает. Бабушка просто не хочет, чтобы лента была.

Ночью Соне снится вода.

Она стоит у колодца. Вода в колодце чёрная, гладкая. В ней отражается небо — белое, без луны. Соня наклоняется и видит своё лицо. Оно улыбается.

— Ты кто? — спрашивает Соня.

— Я ты, — говорит лицо.

— Нет.

— Я ты, — повторяет лицо. — Только я помню.

— Что помнишь?

— Всё.

Лицо поднимается из воды. За ним — шея, плечи. Это Соня, но взрослая. У неё длинные волосы, заплетённые в косу. Коса мокрая. Взрослая Соня держится за край сруба и выбирается наружу. Она стоит перед Соней, высокая, в мокром платье, и с её волос течёт вода.

— Отдай, — говорит взрослая Соня.

— Что отдать?

— Ленту.

Соня смотрит на свои руки. В руке у неё красная лента. Мокрая, узкая. Она не помнит, как взяла её.

— Я не брала.

— Взяла, — говорит взрослая Соня. — Теперь отдай.

Соня протягивает ленту. Взрослая Соня берёт её, и её пальцы холодные, как вода. Она обматывает ленту вокруг Сониного запястья. Красная нитка, которую завязала бабушка, рвётся. Лента затягивается.

— Теперь ты помнишь, — говорит взрослая Соня. — Теперь ты моя.

Взрослая Соня наклоняется. Её лицо близко. У неё мокрые ресницы, и с них капает.

— Скажи «да», — говорит она. — Скажи, и я останусь. Я буду вместо тебя. Ты будешь спать. Ты будешь маленькая. Ты будешь играть. А я буду стоять.

Соня хочет сказать «да». Очень хочет. Потому что она устала, а взрослая Соня сильная, и от неё пахнет рекой и тиной, и в этом запахе есть покой.

Она уже открывает рот. И в этот момент откуда-то издалека, из-за спины, из дома, бабушкин голос говорит:

— Соня.

Один раз. Негромко.

Соня оборачивается. За ней — двор, и дом, и на крыльце стоит бабушка. Маленькая, в тёмном платье, и в руке у неё лампа. Огонёк дрожит.

— Иди сюда, — говорит бабушка. — Не оборачивайся.

Но Соня уже обернулась. И когда она смотрит назад, к колодцу, взрослой Сони нет. Только вода.

Соня просыпается.

В комнате светло. Утро. Она лежит в постели, и сердце колотится. На запястье — красная нитка. Целая. Соня трогает её. Потом трогает волосы. Короткие.

Она идёт в сени. В сенях холодно. Блюдце у подпола пустое. У колодца, в траве, красной ленты больше нет. Только

примятая трава и мокрое пятно.

Бабушка стоит на крыльце. Она смотрит на восток и кланяется. Тихо говорит:

— Здравствуй, солнце. Здравствуй, день. Здравствуй, тот, кто за межой. Я стою.

Соня стоит в дверях и слушает. Она не спрашивает, кто такой «тот, кто за межой». Она почему-то уверена, что бабушка всё равно не ответит.

За завтраком Соня находит в кармане шорт бумажку.

Она достаёт её и разворачивает. Бумажка мягкая, как тряпка, — видно, её стирали. На ней папиным почерком, мелко, с нажимом:

«Если захочешь домой — скажи. Я приеду. В любой день».

Соня смотрит на записку. Буквы у папы острые, как будто он писал быстро. Внизу — ни подписи, ни числа. Только две строчки.

Она переворачивает бумажку. На обороте ничего. Она нюхает её. Бумажка пахнет стиральным порошком и немного — папиными сигаретами. Значит, он написал её давно. Может, в тот вечер, когда стоял на балконе. Может, раньше. Может, он носил её в кармане всю неделю, и она стиралась, и буквы расплывались, и он всё равно не выбрасывал.

Соня представляет, как папа стоит на балконе, курит и пишет. Как складывает бумажку вчетверо. Как заходит в комнату и кладёт её в карман Сониных шорт, пока она спит. Она

не помнит, чтобы он заходил. Но он мог. Он всегда ходил тихо.

Она вспоминает, как папа сунул руку в карман, когда прощался. Как он не смотрел ей в глаза. Как мама сказала: «Здесь не ловит».

Соня складывает записку и прячет её в блокнот. Между страницами, где она рисовала дом. Потом закрывает блокнот и кладёт его под подушку.

— Ешь, — говорит бабушка. — Каша стынет.

Соня ест. Каша вкусная, с молоком и маслом. За окном кричит Петрович. Всё как всегда. Но Соня вдруг понимает, что «как всегда» — это не про неё. Это про дом. Дом живёт, как жил. А она — гостья. И, может быть, не только гостья.

— Бабушка, — говорит она. — А папа в детстве боялся колодца?

Бабушка поднимает глаза. Смотрит на неё. Долго.

— С чего ты взяла?

— Не знаю. Просто.

Бабушка кладёт ложку.

— Не боялся, — говорит она. — Он вообще ничего не боялся. Как отец.

Она говорит это и тут же замолкает, как будто сказала лишнее. Соня хочет спросить про отца, но бабушка уже встаёт и уносит тарелку. Спина у неё прямая. Платок завязан туго.

Соня остаётся за столом. Четвёртая тарелка стоит напро-

тив. Пустая. На ней — ни крошки.

Соня смотрит на неё и думает: «Если папа ничего не боялся, почему он не смотрел мне в глаза?»

Она достаёт блокнот и рисует колодец. Сруб, ворот, цепь. Воду в колодце она закрашивает чёрным. Потом долго смотрит на рисунок. Ей кажется, что в чёрном есть что-то ещё, если смотреть долго. Она не смотрит. Она закрывает блокнот.

Межа

В июне приходит гроза.

Она приходит вечером, без предупреждения. Небо снача-

ла желтеет, потом становится серым, как зола. Птицы замолкают. Куры уходят в сарай сами, без бабушки. Петрович кричит один раз, отрывисто, и замолкает.

Бабушка ходит по дому и закрывает окна. Она закрывает ставни в горнице, потом в боковке. Ставни тяжёлые, деревянные, и бабушка возится с задвижками. Соня помогает — держит створку, пока бабушка задвигает щеколду. В доме становится темно, как ночью.

— Бабушка, а свет?

— Свечи есть.

— А если молния?

— Молния в дом не войдёт, — говорит бабушка. — Дом старый. Он знает.

Соня не понимает, кто знает — дом или молния. Она решает, что дом.

Гроза начинается с ветра. Ветер бьёт в стёкла, и стёкла дрожат. Потом — первый гром. Не громкий, далёкий, как будто кто-то перекатил по небу бочку. Потом — вспышка. Белая, резкая, на всю комнату. И сразу — удар. Такой, что в шкафу звякает посуда.

Соня сидит на печи, на лежанке, поджав ноги. Бабушка сидит рядом, вяжет. Спицы стучат ровно, неспешно. Свет от свечи дрожит.

— Не бойся, — говорит бабушка.

— Я не боюсь.

— А чего тогда дрожишь?

— Это не я. Это лежанка.

Бабушка усмехается.

За окном сверкает. Соня видит на секунду двор: колодец, сарай, мокрая трава. И поле за огородом. Белое, как простыня. И на поле — тёмную фигуру. Высокую, тонкую. Она стоит неподвижно, и её очертания рвутся от дождя.

Соня моргает. Вспышка гаснет. В окне снова темно.

— Бабушка, — говорит она. — Там кто-то стоит.

Бабушка не поднимает головы от вязания.

— Где?

— В поле. За огородом.

Спицы стучат.

— Это не поле, — говорит бабушка. — Это межа. И за ней никого нет.

— Я видела.

— Мало ли что видишь в грозу.

Соня смотрит на бабушку. Та вяжет. Петля за петлёй. Ровно, спокойно. Но Соня замечает, что спицы у неё в руках дрожат. Или это свет дрожит.

— Бабушка.

— Спи, — говорит бабушка. — Гроза до утра.

Она тушит свечу. В темноте гром кажется ближе. Соня лежит на лежанке, укрытая старым тулупом. Пахнет овчиной и пылью. Она смотрит в потолок и слушает. Дождь бьёт в крышу. В сенях что-то поскрипывает. Наверное, ставни. Наверное, ветер.

Она засыпает и не слышит, как бабушка встаёт. Как подходит к окну. Как долго стоит и смотрит в сторону поля. Как шепчет что-то, чего Соня не слышит.

Утром двор мокрый и блестящий. Лужи стоят в траве, как стеклянные тарелки. Куры ходят осторожно, поднимая лапы. Петрович мокрый, злой, сидит на заборе и не кричит.

Бабушка развешивает во дворе мокрое бельё. Соня выходит на крыльцо. Воздух чистый, холодный, пахнет землёй и зеленью. За огородом — поле. Светлое, зелёное, спокойное. Никакой фигуры.

Бабушка стоит у сарая с ведром. У неё мокрые сапоги, хотя двор уже подсох. Соня смотрит на сапоги, потом на бабушку. Бабушка перехватывает взгляд.

— Ходила смотреть, не побило ли огород, — говорит она.

— А что, могло побить?

— Градом.

Града не было. Соня знает это. Но она кивает.

Соня смотрит долго. Потом идёт в огород.

Она проходит между грядками. Капуста мокрая, тяжёлая, листья в каплях. Огурцы спрятались под листьями. Малина после дождя красная, яркая. Соня идёт к забору. Забор старый, из жердей, и в одном месте перекошен. За ним — трава. Высокая, немятая. Полоса шириной в два шага. Дальше — поле.

Она останавливается у забора. Полоса травы — межа — тянется вдоль огорода, насколько хватает глаз. Трава на ней

не скошена. Она стоит стеной, и в ней цветы: васильки, ромашки, что-то жёлтое. Ветра нет. Цветы не качаются.

За межой поле. Оно большое. Оно уходит к лесу, и лес стоит тёмный, ровный, как стена. Это Горельник. Бабушка говорила, что он горел, когда она была молодой. С тех пор не вырос. Только бурьян.

Над полем стоит свет. Утренний, косой. Всё тихо. Никакой фигуры.

Соня переводит дыхание. Она не знает, чего боялась. Наверное, ничего. Просто бабушка сказала «не ходи», а она пошла. Ну, не пошла. Подошла.

Она стоит и смотрит. И тогда видит.

На поле, у самой кромки леса, стоит человек. Он далеко, так далеко, что Соня не различает лица. Но она видит, что он высокий и тонкий, как жердь. И что он стоит неподвижно. И что он смотрит на неё.

Соня замирает.

Человек поднимает руку. Медленно. И машет. Не приветливо, не зло. Просто машет, как машут, когда ждут. Потом рука опускается.

Соня отступает на шаг. Потом ещё на шаг. Потом поворачивается и идёт к дому. Она не бежит. Бабушка говорила, что через двор нельзя бегать. Она идёт. Но спина у неё холодная, и она чувствует, что человек за межой смотрит ей вслед.

На крыльце бабушка её уже ждёт.

— Ты была у межи, — говорит она.

Это не вопрос.

— Я только посмотрела.

— Что видела?

Соня молчит.

— Говори.

— Там кто-то стоит, — говорит Соня. — Он махал.

Бабушка стоит на крыльце. Лицо у неё спокойное. Но руки, которые она вытирает о передник, не останавливаются. Она вытирает их снова и снова, хотя они сухие.

— Запомни, — говорит она. — За межу не ходи. Не смотри туда долго. Не махай в ответ. Не зови. И не считай.

— Кого не считать?

— Никого.

— Скажи: «Я не махала».

— Я не махала.

— Ещё.

— Я не махала.

— Ещё раз.

— Я не махала.

Бабушка кивает. Она берёт её за руку и ведёт в дом. На пороге она трижды стучит по косяку.

— Хозяин, я вхожу, — говорит она. — Не серчай.

В доме она наливает Соне молока и садится напротив. Смотрит, как она пьёт.

— Бабушка, — говорит Соня. — Это дедушка?

Бабушка не двигается. Молоко в кружке дрожит.

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Просто.

— Не он, — говорит бабушка. — Там никого нет. Там поле.

— Но я видела.

— В поле много чего видно, — говорит бабушка. — Особенно если смотреть.

Она забирает кружку и идёт к печи. Соня смотрит ей в спину. Бабушка идёт ровно. Прямо. Но у самой печи останавливается и стоит. Долго. Соня видит, как она поднимает руку и трогает платок у виска. Как будто у неё там болит.

Во второй половине дня приходит Варя.

Соня сидит на крыльце и рисует. Варя появляется у калитки — худая девочка в ситцевом платье, босая, с ободранными коленками. Волосы у неё выгорели до соломенного цвета. Она стоит за калиткой и не заходит.

— Ты городская? — спрашивает она.

— Ага.

— Я Варя. Из третьего дома.

— Я Соня.

Варя смотрит на дом. Потом на двор. Потом на Соню.

— Ты тут надолго?

— На всё лето.

Варя кивает. Она переминается с ноги на ногу. Ей хочется зайти, но она не заходит. Соня видит, как её пальцы сжимают

жерди калитки.

— А чего ты не заходишь? — спрашивает Соня.

— Мамка не велит.

— Почему?

Варя смотрит на окна. Потом понижает голос:

— У твоей бабки нечисто.

Соня откладывает карандаш.

— Как это?

— Она с ними разговаривает, — говорит Варя. — Моя мамка говорит: «Не ходи к Марье. У неё в доме не одна живёт». А я один раз видела.

— Что видела?

— У колодца, — говорит Варя шёпотом. — Стояла женщина. В белом. Длинная. Я думала, твоя бабка, а она обернулась — и лица нет.

Соня молчит. У неё холод в животе.

— Ты врёшь, — говорит она.

— Вот те крест, — говорит Варя и крестится. — Я тогда домой бежала. Мамка мне ремня дала, чтоб не врала. А я не врала.

Соня смотрит на неё. Варя не похожа на врунью. У неё ободранные коленки, царапина на щеке, и она смотрит прямо.

— А ты чего ко мне пришла? — спрашивает Соня.

— Скучно, — говорит Варя. — У нас в деревне летом никого нет. Все или в городе, или на огороде. Я одна.

— А мамка?

— Мамка работает. У неё корова, куры, огород. Ей не до меня.

Варя садится на корточки у калитки и обхватывает колени.

— А ты в школу ходишь? — спрашивает она.

— Хожу.

— А я в этом году пойду. В первый класс.

— Страшно?

— Нет, — говорит Варя. — Я ничего не боюсь. Кроме этого.

Она кивает на дом.

— А чего бояться? — говорит Соня. — Дом как дом.

Варя смотрит на неё, и в её глазах что-то взрослое, усталое.

— Ты просто ещё не поняла, — говорит она.

Она отходит от калитки.

— Ты с ними не разговаривай, — говорит она. — И за огород не ходи. Там межа. За межой — не наше.

— А что там?

Варя не отвечает. Она уже идёт по дороге, босая, шлёпая по лужам. Потом оборачивается и кричит:

— Если увидишь высокого — не махай!

И убегает.

Соня сидит на крыльце. В руке у неё карандаш. На листе — дом, огород, забор. И поле. Она не помнит, как нарисо-

вала поле. Но на поле, у самой кромки листа, стоит тонкая тёмная фигура. Соня смотрит на неё и чувствует, как у неё стынет спина.

Она берёт ластик и стирает фигуру. Бумага становится тонкой. Соня дует на неё, чтобы убрать крошки. Когда она снова смотрит на лист, фигура на месте. Тонкая, тёмная, у самой кромки.

Она стирает ещё раз. Сильнее. Бумага рвётся. Маленькая дырочка, с булавочную головку. Соня смотрит в неё и видит за листом, в глубине, что-то белое. Не бумагу. Что-то белое и далёкое, как поле.

Она закрывает блокнот. Идёт в дом. В сенях холодно. Из-под подпола тянет сыростью. Соня проходит мимо быстро, не оглядываясь.

Вечером бабушка рассказывает третью сказку.

Они сидят у печи. За окном ещё светло, но в доме уже сумерки. Бабушка не зажигает лампу. Она берёт Сонины руки, и Соня чувствует, какие у неё холодные ладони. Холоднее, чем всегда.

— Слушай, дитятко. Слушай, родная. Не перебивай. Не спрашивай. Дослушаешь — поймёшь. Не дослушаешь — не спи.

— Бабушка, — говорит Соня. — Ты не заболела?

— Нет.

— У тебя руки холодные.

— Это ничего. Слушай.

Сказка

Про межу, которую нельзя перейти

Было это не при мне, а до меня. Может, в соседней деревне, может, в этой. Теперь уж не спросишь.

Жил мальчик. Лет ему было немного, а смелости — на троих. Мать его в поле не пускала, за огород не пускала. Говорила: «Есть межа. За межу не ходи. Там не наше». Мальчик слушал и не верил. Потому что за межой была трава, и трава была обыкновенная. И грибы за межой были обыкновенные. Белые, крепкие, один к одному.

Мальчика звали Мишка. Ему было десять лет, и он был один у матери. Отец его ушёл на войну и не вернулся — так говорили. Мать работала с утра до ночи, и Мишка оставался один. Он привык быть один. Он ходил по лесу, ловил рыбу, лазил на деревья. Он не боялся ни темноты, ни собак, ни старости. Он боялся только материного молчания.

Когда мать молчала, это было хуже, чем крик. Она смотрела в сторону и не видела его. Мишка тогда начинал говорить без умолку — про грибы, про реку, про то, что видел. Мать кивала. Потом говорила: «Иди». И он уходил.

Он думал: если принести много грибов, мать будет рада. Тогда она посмотрит на него. Тогда она скажет не «иди», а что-нибудь другое.

Пошёл он раз по грибы. Мать сказала: «Ходи по эту сторону. За межу не суйся». Он кивнул и пошёл. Ходил-ходил, набрал полкорзины. А потом посмотрел за межу. Там, на той

стороне, у самого леса, белело. Много белого. Целая поляна белых.

Мальчик подумал: «Мать не узнает. Один раз перейду — ничего не будет». И перешёл.

Трава за межой оказалась мягче. И теплее. Он шёл по ней и чувствовал, как ноги проваливаются в неё, как в перину. Грибы стояли рядами, как будто их кто-то посадил. Он срезал один — крепкий, с коричневой шляпкой. Потом второй. Потом третий. Корзина наполнилась быстро.

На поляне, у старой берёзы, сидела женщина. В красном сарафане, в белой рубахе. Волосы у неё были распущены и длинные, до земли. Она смотрела на мальчика и улыбалась.

— Хороши грибы? — спросила она.

— Хороши, — сказал мальчик.

— Это мои, — сказала женщина. — Я их растила.

У женщины был голос, как у матери, когда та была молодая. Так Мишке казалось. Он не помнил матери молодой, но почему-то знал, что голос был такой.

— Как тебя звать? — спросила женщина.

— Мишка.

— Мишка, — повторила она. — Хорошее имя. Давно у меня не было Мишки.

Мальчик испугался. Он стоял с полной корзиной и не знал, что сказать. Женщина засмеялась.

— Не бойся, — сказала она. — Бери. Я тебе даром отдам. Только ты мне тоже сделай одно дело.

— Какое?

— Принеси мне ленту. Красную. У матери твоей в сундуке лежит. Ты возьми, не спрашивай. И мне принеси.

Мальчик подумал: «Лента — это не грибы. Ленту не жалко». И согласился.

У матери в сундуке, на самом дне, лежала красная лента. Мишка видел её один раз, когда мать перебирала вещи. Она держала ленту в руках и смотрела на неё долго. Потом убрала и закрыла сундук. Мишка спросил: «Чья это?» Мать сказала: «Моя». Больше ничего не сказала.

Он вернулся домой. Мать спросила: «Где был?» Он сказал: «По эту сторону». Мать посмотрела на него и ничего не сказала. А вечером, когда она ушла доить корову, мальчик открыл сундук и взял красную ленту. Лента была старая, шёлковая, с вышитыми васильками. Он сунул её за пазуху и выбежал во двор.

За межой уже темнело. Женщина стояла у берёзы. Она взяла ленту и обмотала её вокруг руки. Потом посмотрела на мальчика и сказала:

— Спасибо тебе.

И улыбнулась. Так улыбнулась, что у мальчика внутри всё сжалось. Он повернулся и побежал домой. Бежал через поле, перепрыгнул межу, влетел во двор. В доме горел свет. Мать сидела за столом и что-то шила.

Мальчик вошёл и сказал:

— Мам, я есть хочу.

Мать подняла голову. Посмотрела на него. И ничего не сказала.

— Мам? — сказал мальчик.

— Ты кто? — спросила мать.

Мальчик засмеялся. Думал — шутит.

— Я Мишка, — сказал он. — Твой сын.

Мать отложила шитьё. Встала. Подошла к нему. Долго смотрела ему в лицо. Потом сказала:

— Мой сын вон сидит.

И показала на стол.

Мальчик обернулся. За столом сидел другой мальчик. В его рубахе, с его лицом, с его вихром на макушке. Он держал ложку и ел кашу. Он поднял глаза на мальчика и улыбнулся — той же улыбкой, что женщина у берёзы.

— Вот он, — сказала мать. — Мой Мишка.

— Я Мишка! — закричал мальчик. — Это я!

Он бросился к столу. Другой мальчик не двигался. Мать схватила первого за плечо и оттащила к двери.

— Уходи, — сказала она. — Не знаю тебя.

И вытолкнула его за порог.

Мишка стоял на крыльце. Ноги у него были босые, и доски были холодные. Он слышал, как в доме задвинули засов. Потом в окне зажглась лампа. Потом мать села рядом с другим мальчиком и стала читать ему вслух. Она читала медленно, с паузами, как читала Мишке, когда он был маленький.

Мишка постучал в дверь. Раз. Два. Три.

— Мам, — сказал он. — Это я. У меня ноги замёрзли.

Никто не открыл.

Мишка отошёл от двери и посмотрел в окно. За столом сидел другой мальчик и ел кашу. Мать гладила его по голове. Всё было как всегда. Только на стене не было тени другого мальчика. Свет от лампы падал на стену, а тень сидела за столом одна — мамина.

Мальчик пошёл к калитке. Он не плакал. Он шёл по дороге, и ноги сами несли его за огород, через межу, к берёзе.

Женщина стояла там. Она ждала.

— Ну что, — сказала она, — не пустили?

Мальчик молчал.

— Ничего, — сказала женщина. — Теперь ты мой. Будешь стоять у межи. Кого увидишь — помаши. Кто помашет в ответ — того и позовёшь.

— А если никто не помашет? — спросил Мишка.

— Кто-нибудь помашет, — сказала женщина. — Люди любят махать. Особенно дети.

Она наклонилась и повязала ему на шею красную ленту. Лента была холодная. Мишка хотел снять её, но руки не слушались.

— Стой здесь, — сказала женщина. — И смотри. Если увидишь мальчика или девочку — помаши. Ласково. Чтобы не испугались.

— А зачем?

— Чтобы они пришли.

— А потом?

— А потом я отпущу тебя, — сказала женщина. — Когда придёт другой.

Она ушла. Мишка остался стоять. Он стоял и смотрел на деревню. В деревне зажигались окна. В одном из них сидела его мать и читала книгу другому мальчику.

С тех пор мальчик стоит за межой. Он высокий, его видно издалека. Он машет рукой. Не зло, не ласково. Просто машет, как машут, когда ждут.

Он вырос. Теперь он выше берёзы, и лицо у него стёрлось, как стирается монета в кармане. Но рука помнит, как махать. Он машет каждому, кто подходит к меже. Он не хочет зла. Он просто ждёт, когда кто-нибудь помашет в ответ.

Матери в деревне говорят детям: «Не ходи к меже. Там стоит высокий. Не махай ему». Дети не слушают. Дети всегда не слушают.

А в деревне всё идёт своим чередом. Мать растит другого мальчика. Он ест кашу, ходит в школу, женится, старится. И никто не помнит, что когда-то за межой стоял мальчик, который просто хотел белых грибов.

Бабушка замолкает.

Соня сидит и смотрит на печь. В печи темно. Заслонка закрыта. Но Соне кажется, что оттуда идёт холод. Не сильный. Тонкий, как сквозняк.

— Почему мать не узнала его? — спрашивает она.

— Потому что тень была не та, — говорит бабушка. —

Мать-то видела. Матери всегда видят.

— А почему она его выгнала? Она же могла оставить обоих.

Бабушка качает головой.

— Нельзя, — говорит она. — Если оставить обоих, то кто-то из них не настоящий. И пока не знаешь кто — нельзя. Иначе настоящий уйдёт, а ненастоящий останется. И будет жить твою жизнь. Есть твой хлеб. Спать на твоей постели.

— А как узнать?

— По тени, — говорит бабушка. — У ненастоящего тени нет. Или она отстаёт. Или не туда падает. Или отражение моргает. Но это потом. Это когда уже знаешь.

— Бабушка, а если бы мать сразу узнала?

— Она и узнала, — говорит бабушка. — Она сразу узнала. Только сказать не могла.

— Почему?

— Потому что он уже был не её.

Соня смотрит на свою руку. На стене — её тень, длинная, от лампы. Тень поднимает руку, когда поднимает Соня. Всё правильно.

— Слушай правило, — говорит бабушка.

Правило

Межа — граница. Не наша. Не ходи.

Если кто-то зовёт с той стороны — не верь.

— А если он машет? — спрашивает Соня.

— Не махай в ответ, — говорит бабушка. — И не считай.

И не зови.

— А если он заплачет?

Бабушка долго молчит. Потом говорит:

— Тогда иди в дом. И окна закрой.

Ночью Соне снится поле.

Она идёт по траве. Трава мягкая, тёплая. Она видит грибы — белые, крепкие, один к одному. Она наклоняется и срезает. Корзина тяжелеет. Она срезает ещё и ещё, и не может остановиться. Грибы растут быстрее, чем она режет. Они вылезают из-под её рук, белые, толстые, как пальцы.

Она поднимает голову. Перед ней стоит берёза. У берёзы — женщина в красном сарафане. У женщины нет лица, только улыбка. Улыбка висит в воздухе, как будто её нарисовали углём.

— Соня, — говорит женщина. — Иди сюда.

Соня хочет идти. Ноги сами несут её. Она подходит к женщине. Женщина протягивает руку. В руке — красная нитка. Такая же, как у бабушки.

— Отдай, — говорит женщина. — Это моё.

Соня смотрит на своё запястье. Нитка развязана. Она держит её в руке. Она не помнит, как сняла.

— Отдай, — говорит женщина. — Или я возьму сама.

Соня разжимает пальцы. Нитка падает в траву. Женщина наклоняется за ней. И тогда Соня видит, что у женщины нет тени. Совсем. Даже под берёзой, где тень густая, — ничего.

Соня бежит.

Она бежит через поле, и трава хватает её за ноги. Она бежит к дому, к крыльцу, к двери. Дверь открыта. В доме сидит мама. Мама шьёт. Соня влетает в комнату:

— Мама!

Мама поднимает голову. У мамы есть лицо. Мама смотрит на неё и говорит:

— Ты кто?

— Я Соня!

— Нет, — говорит мама. — Моя Соня вон сидит.

Соня оборачивается. За столом сидит другая Соня. В её платье, с её короткими волосами. Она ест кашу и улыбается. У неё нет тени.

Соня просыпается.

В комнате темно. Она лежит и не может пошевелиться. Потом садится. На запястье — красная нитка. Целая. Соня трогает её и чувствует, как колотится сердце.

За окном — белая полоса. Не луна. Рассвет. В сенях тихо. И только у самой двери, на пыли, кто-то оставил маленькие босые следы. Они идут от подпола к двери. И обратно.

Утром бабушка не спрашивает, куда она ходила. Она снимает с двери старый пучок травы — сухой, выцветший — и вешает новый. Полынь, зверобой, крапива, рябина. Потом зажигает спичку и держит её под пучком, пока травы не начинают дымиться.

— Это от чего? — спрашивает Соня.

— От сглазу, — говорит бабушка.

— А кто сглазил?
Бабушка смотрит на неё.
— Никто, — говорит она. — Пока никто.

Часть вторая. Июль. Сказки

Сказка — ложь, да в ней намёк: кто дослушал — тот молчок. — Из бабушкиных тетрадей

Четверо

В июле становится жарко по-настоящему.

Солнце встаёт рано и сразу — белое, злое. К семи утра

трава сухая, к девяти — земля трескается. Куры прячутся в тени сарая и сидят там, раскрыв клювы. Петрович перестаёт кричать. Даже сверчки днём молчат.

Соня спит на полу в боковке, на старом одеяле. В кровати душно, пружины нагреваются, и простыня к утру становится горячей, как противень. На полу прохладнее. Она лежит и смотрит в потолок, на трещины. Трещины похожи на реки. Она придумывает им названия: Чёрная, Мутная, Сухая.

Бабушка встаёт ещё раньше. К шести она уже надоила корову, накормила кур, полила огурцы. Она двигается по двору быстро, несмотря на жару. В руках у неё вёдра, тряпки, миски. Она не вытирает пот. Пот на ней высыхает сам.

— Бабушка, — говорит Соня, — давай я полью.

— Бери лейку. Только под корень. Не на листья.

Соня поливает огурцы. Вода из бочки тёплая, пахнет железом. Земля пьёт её жадно, сразу, и на грядке остаётся тёмное пятно, которое сохнет на глазах.

После полива они завтракают на веранде — так бабушка называет пристройку с маленькой железной печкой. Внутри прохладно. Бабушка варит кашу на керосинке. Огонь синий, ровный. Соня сидит на табурете и болтает ногами.

— Бабушка, а почему ты не готовишь в большой печи?

— Летом не надо.

— А зимой?

— Зимой надо.

— А почему?

Бабушка помешивает кашу.

— Зимой печь греет. А летом она отдыхает.

— Разве печь отдыхает?

— Всякий отдыхает, — говорит бабушка. — И печь, и дом, и человек. Кто не отдыхает, тот ломается.

Соня смотрит на большую печь в горнице. Она белая, чистая, заслонка закрыта. На шестке — чугунок, сухой и пустой. Печь молчит. Но Соня всё равно чувствует, что она не спит. Что она прислушивается.

После завтрака бабушка закрывает окна и ставни. В доме становится темно, как в погребе, и прохладно.

— Зачем? — спрашивает Соня.

— Чтобы жара не вошла.

— А вечером откроем?

— Вечером откроем.

Соня сидит в темноте и слушает, как за стеной гудит полдень. Мухи бьются о стекло. Бабушка вяжет. Спицы стучат. В доме пахнет сухой глиной и холодом, который идёт из сеней.

— Бабушка, а откуда холод?

— Из-под пола.

— Там же картошка.

— Картошка, — соглашается бабушка. — И не только.

После завтрака бабушка идёт кормить.

Это целый обряд. Соня наблюдает за ним каждый день и каждый день замечает что-то новое.

Сначала бабушка берёт деревянный поднос. На поднос ставит три блюдца. В каждое наливает молока, кладёт по ломтю хлеба. Потом берёт четвёртую тарелку — большую, с синей каймой — и ставит на поднос. В неё она ничего не кладёт. Только смотрит на неё секунду дольше, чем нужно.

— Пойдём, — говорит она Соне. — Понесёшь?

Соня берёт поднос. Он тяжёлый. Молоко плещется.

Первое блюдце — у печи. Бабушка ставит его на шесток, рядом с чугунком.

— Ешь, Хозяин, — говорит она. — Спасибо, что дом держишь.

Второе — в сенях, у подпола. Бабушка открывает дверь в сени, и оттуда тянет холодом. Она ставит блюдце на пол у самого люка.

— Ешь, Хозяюшка, — говорит она. — Не плачь. Всё будет.

Третье — у сарая. Бабушка трижды стучит по косяку, потом ставит блюдце на порог.

— Ешь, Дворовой, — говорит она. — Спасибо, что двор держишь.

Потом они возвращаются в дом. Бабушка берёт четвёртую тарелку и ставит её на стол, на то место, где никто не сидит. Тарелка пустая. Бабушка стоит над ней и молчит. Не говорит ни слова. Потом отходит.

Соня подходит и трогает тарелку. Тарелка тёплая. Не горячая. Тёплая, как будто в неё только что налили суп и вы-

лили обратно.

— Бабушка, она тёплая.

— Не трогай.

— Но она тёплая.

Бабушка подходит и забирает у неё тарелку. Ставит на место. Потом берёт Соню за руку и отводит.

— Это не твоё, — говорит она. — Не трогай.

— А четвёртая? — спрашивает Соня.

— Что четвёртая?

— Кому четвёртая?

Бабушка садится за стол. Разливает щи. Руки у неё спокойные.

— Гостю, — говорит она.

— Какому гостю?

— Тому, кто должен был прийти.

— А он придёт?

Бабушка поднимает на неё глаза. В них что-то такое, от чего Соня замолкает.

— Нет, — говорит бабушка. — Не придёт.

— А зачем тогда тарелка?

Бабушка долго молчит. Потом говорит:

— Потому что я его жду.

Соня не понимает. Она смотрит на пустую тарелку. На ней ничего нет. Ни крошки. Но Соне кажется, что тарелка не совсем пустая. Что на ней лежит что-то невидимое. Что-то, что бабушка видит, а она — нет.

— Бабушка, а Хозяюшка — это кто?

Бабушка перестаёт есть.

— Где ты слышала?

— Ты говорила. У подпола. «Ешь, Хозяюшка. Не плачь».

Бабушка кладёт ложку. Смотрит в тарелку.

— Это не твоё дело.

— Она плачет?

— Все плачут, — говорит бабушка. — Кто-то громче, кто-то тише.

— А почему она под полом?

— Потому что там её место.

— А почему её место там?

Бабушка поднимает глаза. В них усталость, тяжёлая, как земля.

— Потому что она не вышла, — говорит она. — И не надо, чтобы вышла.

— Ешь, — говорит бабушка. — Щи стынут.

После обеда бабушка учит её мыть посуду.

— Не спеши. Тарелку мой с краю. Потом к середине. Потом обдай кипятком.

— А эту?

— Эту не мой.

— Почему?

— Она не грязная.

Соня смотрит на четвёртую тарелку. Она и правда чистая. Хотя только что стояла на столе, где ели.

— А если она испачкается?

— Тогда вытри, — говорит бабушка. — Но не мой. Мыть — значит отдавать. А её отдавать нельзя.

Днём Соня рисует.

Она сидит на крыльце, на прохладных ступенях. Блокнот на коленях. Карандаши разложены рядом. Она рисует стол. Скатерть в клетку. Четыре тарелки. Три с едой, одна пустая. Вокруг стола — лавки. На лавках никто не сидит. Только бабушка, с краю, спиной.

Она рисует долго, высунув язык от старания. Солнце переходит на другую сторону крыльца. Куры выходят из тени и снова прячутся. Соня не замечает.

Бабушка выходит на крыльцо. Она вытирает руки о передник. Смотрит на рисунок через Сонино плечо.

И замирает.

Соня чувствует это спиной. Она поднимает голову. Бабушка стоит и смотрит. Лицо у неё не злое и не испуганное. Пустое. Как будто она на секунду ушла куда-то далеко.

— Бабушка?

Бабушка моргает. Возвращается.

— Что это? — спрашивает она.

— Стол, — говорит Соня. — И тарелки.

— А это кто?

Бабушка показывает на пустое место за столом. Соня смотрит на рисунок. На пустом месте ничего нет. Только скатерть. Она так и рисовала.

— Никого, — говорит Соня.

Бабушка наклоняется. Долго смотрит. Потом выпрямляется.

— Не придумывай, — говорит она. — Рисуй как есть.

— Я как есть.

— Вот и рисуй.

Она уходит в дом. Соня остаётся на крыльце.

Соня слышит, как в горнице открывается заслонка. Потом бабушка говорит — тихо, но в доме тихо, и слышно:

— Не она. Она не знает.

Пауза.

— Я сказала: не она.

Заслонка закрывается.

Соня сидит на крыльце и не двигается. Она думает: «Бабушка говорит с печью. И печь ей отвечает. Или не отвечает. Но бабушка ждёт ответа».

Она смотрит на рисунок. Потом берёт карандаш и проводит по пустому месту за столом. Просто штрих. Потом ещё один. Потом она кладёт карандаш и закрывает блокнот.

После обеда Соня идёт к Варе.

Она не спрашивает бабушку. Она просто выходит за калитку и идёт по дороге. Дорога пыльная, горячая. Дома стоят вдоль неё, и у каждого дома — скамейка, и на скамейках никого. Соня считает дома. Первый, второй, третий. У третьего дома калитка открыта.

Варя сидит под навесом и чистит картошку. Увидев Соню,

она удивляется.

— Ты чего пришла?

— Просто.

— Бабка знает?

— Нет.

Варя откладывает нож.

— Тогда иди домой. Она будет ругаться.

— Она не ругается.

— Все ругаются, — говорит Варя. — Просто по-разному.

Соня садится рядом на крыльцо. Варя смотрит на неё, потом вздыхает и отодвигается.

— Ладно. Сиди.

Из дома выходит Варькина мать — тонкая женщина с такими же соломенными волосами, только тёмными у корней. Она видит Соню и останавливается.

— Варя, — говорит она. — Кто это?

— Соня. С того краю.

Мать смотрит на Соню долго.

— Марьина?

— Внучка, — говорит Варя.

Мать вытирает руки о фартук. Потом говорит, не Соне, а Варе:

— Я тебе говорила.

— Мам, она просто сидит.

— Я тебе говорила, — повторяет мать. — Иди домой, девочка. Тебе пора.

Соня встаёт. Она не понимает, что она сделала. Она идёт к калитке и слышит за спиной:

— И к бабке своей не ходи через двор. Обходи.

Соня оборачивается.

— Почему?

Мать смотрит на неё. В её глазах не злость. Страх.

— Потому что.

Соня выходит за калитку. Дорога пустая. У соседнего дома, на скамейке, сидит старуха. Маленькая, в платке, с палкой. Она смотрит на Соню и улыбается беззубым ртом.

— Марьина внучка, — говорит она. Не спрашивает. Просто говорит.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, золотко. Иди сюда.

Соня подходит. Старуха пахнет сухими травами и хлебом.

— Ты у неё живёшь?

— Да.

— Ну и хорошо, — говорит старуха. — Она хорошая. Она правильная.

— А почему все её боятся?

Старуха смеётся. Смех у неё сухой, как шелест.

— Не боятся, — говорит она. — Уважают. Это разные вещи.

— А Варькина мамка сказала, что у неё нечисто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.